

The background of the cover is a dark, swirling vortex of purple and blue, resembling a nebula or a storm. In the center, a woman's face is partially visible, her eyes glowing with a golden light. Below the face, there is a silhouette of a traditional East Asian building with a tiled roof and a fence in front of it. The overall mood is mysterious and dramatic.

ДѢВУШКИ ИЗ БУМАГИ И ОГНЯ

18+

НАТАША ИГАН

Наташа Нган
Девушки из бумаги и огня
Серия «Девушки из
бумаги и огня», книга 1
Серия «Фэнтези без границ»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48748430
Девушки из бумаги и огня: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114547-7*

Аннотация

Каждый год восемь прекраснейших девушек выбирают, чтобы отправить в дар Королю-Демону. Это самая высокая честь... и самая жестокая участь. Но однажды девушек будет девять. И Девятая сделана не только из бумаги, но и из огня. Леи принадлежит к касте Бумаги, самой низкой и наиболее угнетенной, но ее золотые глаза пробудили интерес короля. Ее ждет жизнь в роскоши и неге, а взамен от нее требуется только одно – беспрекословное послушание.

Но Леи не из тех, кто покорно отдает свою судьбу в чужие руки. Она совершает немыслимое – влюбляется. Ее запретный роман тесно связан с заговором, который зреет среди шелков и благовоний, и Леи предстоит решить, насколько далеко она готова

зайти ради справедливости и мести. Ради того, чтобы узнать что-то новое о мире и о себе.

Содержание

Предисловие	6
Касты	9
Глава первая	13
Глава вторая	25
Глава третья	35
Глава четвертая	49
Глава пятая	65
Глава шестая	76
Глава седьмая	88
Глава восьмая	102
Глава девятая	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Наташа Нган

Девушки из бумаги и огня

Посвящается Алекс. Эта книга – о прекрасных и отважных девушках, а ты – одна из прекраснейших и отважнейших девушек на свете. Благодарю тебя от всей души.

Natasha Ngan
GIRLS OF PAPER AND FIRE

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств *Baror International, Inc.* и *Nova Littera SIA*

Copyright © 2018 by Natasha Ngan
© А. Дубинина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Мне выпала удача внезапно обрести литературный эквивалент бесценного клада, и я испытываю глубочайший восторг. Хотя я и сам писатель, и книгами меня непросто удивить, я даже не знаю, как описать свои невероятные чувства по поводу этого романа.

Когда-то я основал издательство «JIMMY Patterson Books», чтобы выпускать для молодых читателей те книги, которые им действительно хочется читать – причем редкие, подобных которым не сыскать. Одна из радостей издательской жизни состоит в том, что вы раньше всех получаете доступ к чему-то совершенно новому и интересному и имеете право выбирать, какие из множества историй будут опубликованы. Когда я впервые прочел «Девушек из бумаги и огня», я сразу понял, что мне в руки попало нечто исключительное.

Эпический стиль и ярчайшее воображение Наташи Нган создают удивительную вселенную, где граница между людьми и животными размыта, но действие таких основных движущих миром сил, как любовь, жажда власти, месть, от этого не становится менее отчетливым. В этом романе взаимодействуют несколько историй в одной: история угнетаемой девушки, жертвы насилия, которая находит в себе внутреннюю силу и обретает свободу; романтическая история за-

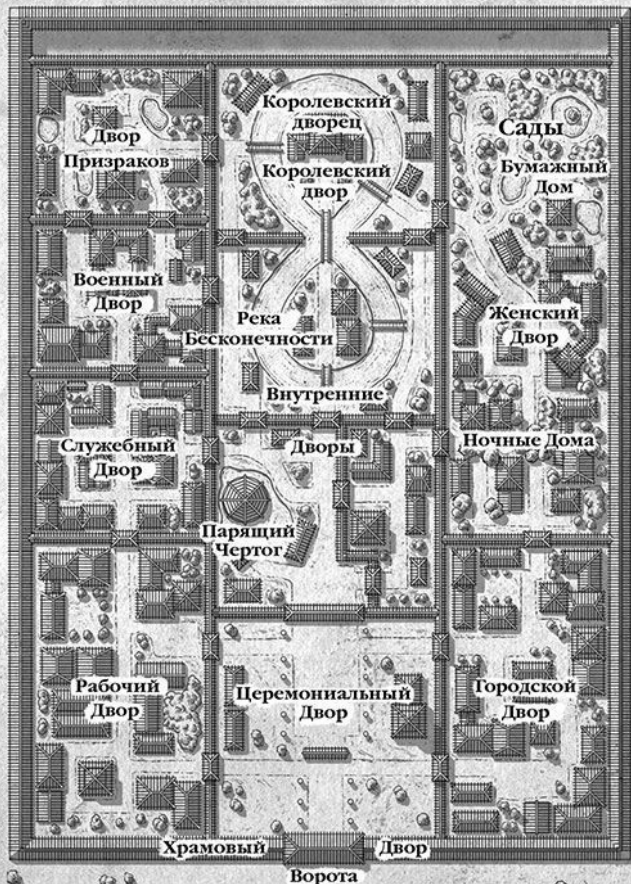
претной любви, расцветающей в тяжелейших условиях; история несправедливости, подлежащей исправлению. К тому же, это дань мультикультурному воспитанию автора. Наташе удалось сплести сложные сюжетные линии и создать из них единое уникальное произведение.

По-моему, «Девушки из бумаги и огня» Наташи Нган – одна из самых сильных и значимых книг, опубликованных нашим издательством за время своего существования. Ее глубина и эмоциональность станет для читателей настоящим откровением.

Я очень рад, что внес свой небольшой вклад в успешное путешествие этого романа к читателям, то есть ко всем вам.

Джеймс Паттерсон

Теневая Аллея

Касты

«Боги увидели во сне цвета – и, пробудившись, пролили эти цвета на землю. Цвета излились на бумажный народ, окрашивая его и благословляя дарами богов. Но некоторые в страхе спрятались от дождя, и он их не коснулся. Другие же, напротив, целиком погрузились в бурю и ливень – и были благословлены превыше всех прочих, получив в дар силу и мудрость небес».

Отрывок из рукописи ихаранской «Книги Жизни»

Каста Бумаги – люди, не обладающие чертами звероподобных демонов и не владеющие демоническими способностями – такими, например, как способность летать.

Каста Стали – люди, частично обладающие чертами и способностями звероподобных демонов.

Каста Луны – демоны, человекоподобные существа, которым присущи атрибуты зверодемонов, например, рога, крылья, шерсть. Они в совершенстве владеют демоническими способностями, свойственными их виду.

«Договор о кастах», подписанный Королем-Демоном по окончании войны

В нашем королевстве есть давняя традиция, которой следуют все касты – и люди, и демоны. Мы называем ее «благословлением новорожденного». Этот обычай настолько давний, так глубоко коренится в наших сердцах, что считается, что его установили сами боги, когда призвали на землю наши народы. Когда ребенок умирает, не дожив до года, возникают слухи, похожие на шелест темной листвы под ночным ветром: мол, обряд произвели слишком поздно, а может, родители нарушили молчание во время церемонии, а может, шаман, совершавший обряд, был недостаточно искусен...

Оба моих родителя принадлежали к низшей касте, Бумажной, то есть были полностью людьми, и поэтому начали копить деньги на мое благословление с того самого дня, как узнали о беременности. За девять месяцев им удалось отложить необходимую сумму. И хотя сама я, конечно, не помню ничего о церемонии, я столько раз пыталась ее представить, что порой мне кажется – я могу ясно ее увидеть, стоит лишь закрыть глаза.

Темная дымная ночь, чернота неба, как тяжелая черная рука, обнявшая мир. Треск костра. Над костром – склоненная фигура шамана, его сухая морщинистая кожа покрыта сплошным узором татуировок, оскаленные зубы остры, как у хищного зверя. Он наклонился над тельцем новорожденной

девочки, которой всего несколько часов от роду. Ребенок тихонько плачет. По ту сторону огня, сжав руки, в напряжении и безмолвии замерли родители малышки. Глаза шамана закатываются, обнажая белки, и он начинает петь *дао*, одновременно чертя в воздухе символы, из которых складывается песнопение. Следы его движений повисают над ребенком в темноте золотыми нитями – и какое-то время мерцают, прежде чем растаять в воздухе. Наступает кульминация молитвы – и поднимается сильный ветер, пробегающий по верхушкам высоких трав, они тревожно шуршат, словно под шагами божества. Речитатив шамана ускоряется, шорох ветра в траве становится громче, пламя костра взлетает ввысь – и танцует в воздухе несколько секунд оранжево-алыми языками перед тем, как угаснуть.

Тьма.

Только звезды сияют.

Шаман поднимает руки – и выхватывает из воздуха, где только что танцевали языки пламени, что-то маленькое: золотой медальон, закрытый, похожий на голубиное яйцо. Но сам по себе медальон не важен – важно то, что скрыто внутри.

Судьба ребенка. Моя судьба.

В нашем королевстве верят, что слова обладают силой, что они могут стать благословением или проклятием. Внутри медальона скрыто слово. Слово, в котором заключено предназначение человека. Либо – как надеялись мои роди-

тели, откладывая деньги на церемонию, — моя жизнь под защитой благодати, либо меня ожидает что-то куда более темное. Проклятые годы, которые будут отданы тьме и огню.

Через четыре месяца, когда мне исполнится восемнадцать, медальон откроется — и я наконец узнаю ответ.

Глава первая

Сегодня с утра у нас в лавке полно народу. Первая половина дня, а здесь уже толпятся покупатели, шум и смех, в теплом летнем воздухе слышится резкий голос Тянь, отдающей распоряжения. Солнечный свет струится сквозь щели ставень, снаружи звенят цикады и гудят пчелы. По деревянному полу шлепают сандалии. Ко всей этой какофонии добавляется привычный звук биения сердца нашей аптеки – в котлах кипят и булькают отвары трав. Вдоль стены стоят шесть высоких бочонков – больших, мне по плечо. Пять из них заполнены травяными отварами, которые издают резкие запахи, а шестой пока заполнен мной. И я уже тоже довольно резко пахну потом после получаса тяжелой работы: я сижу в бочонке и старательно отдраиваю изнутри его стенки от присохших остатков микстуры.

Я как раз оттираю особенно глубоко въевшееся пятно, когда над краем бочонка появляется лицо Тянь.

– Ну что, закончила, маленькая негодница? – спрашивает она, и ее усы сердито подрагивают. Кошачьи глаза с темной обводкой кажутся очень яркими – даже на фоне рыжеватой шерсти, которой поросло ее почти человеческое лицо. В шерсти видно много седых волосков, побелевших от возраста.

Я закатываю глаза. Она меня так называет... Всегда,

сколько я себя помню.

– Тянь, мне семнадцать лет, – напоминаю я. – Семнадцать, понимаешь? Я тебе больше не *маленькая*.

– Но все еще *негодница*.

– Интересно, у кого я научилась скверным манерам?

Тянь усмехается.

– Делаю ставку на твоего отца. Ай, к слову сказать, где этот бездельник? Он должен был добавить в отвар дождевых ягод еще полчаса назад! – Она всплескивает руками. – Беги, найди его, а то мы загубим микстуру. К тому же госпожа Земби его ждет для консультации.

– Сбегаю, если скажешь «пожалуйста».

Уши Тянь гневно шевелятся.

– Еще чего! Любезничать с девчонкой из Бумажной касты!

– А ничего, что у тебя, гордой дамы из Стальной касты, начальник тоже из Бумажных?

– Я привыкла, но все равно жалею об этом каждый день, – фыркает Тянь.

Она спешит обслужить очередного покупателя – а я улыбаюсь ей вслед. Она так гордо топорщит усы, а на самом деле очень нас любит. Тянь проработала в отцовской аптеке всю мою жизнь, она – член нашей семьи, несмотря на кастовые различия. Да, собственно, живя с ней, очень просто забыть, что кастовые различия вообще существуют. Мы с отцом принадлежим к низшей касте, Бумажной, а Тянь – к средней,

Стальной. То есть она – что-то среднее между нами, людьми, и демонами, высшей кастой Луны. Поэтому тело у нее почти человеческое, но притом есть некоторые черты животного. Лицом Тянь сошла бы за одну из Лунных – голова у нее почти совсем как у рыси, с кошачьими глазами и высокими ушами, но ниже ключиц ее тело совсем человеческое, с обыкновенной светлой кожей.

За дверью Тянь приветствует покупательницу, а сама машинально пытается заправить за высокий воротник непослушный клочок шерсти. Но он не желает заправляться.

Я невольно усмехаюсь: хорошая шутка богов – даровать такой щепетильной и сверхаккуратной личности настолько непослушную и жесткую шерсть!

* * *

Выбравшись из бочонка, я могу получше разглядеть заказчицу, с которой говорит Тянь. Судя по одежде, это довольно высокопоставленная дама, имеющая связи с королевским двором. Это редкость в нашей провинции – встретить кого-то настолько богатого и знатного. Дама одета в элегантную тунику *кебая*, украшенную серебряными нитями и вышивкой, волосы собраны на затылке, чтобы открыть всеобщему обозрению пару изящных оленьих рогов, покрытых тонкими отростками, как виноградная лоза. Каста Стали, нет сомнений.

И пока я удивляюсь, почему такая почтенная женщина удостоила посещением нашу скромную лавочку, взгляд покупательницы скользит мимо Тянь и упирается в меня.

Глаза ее расширяются.

– Так значит, это правда.

Ее слова достигают моего слуха даже сквозь шум магазинчика. И я краснею до ушей. Конечно, теперь все понятно – она тоже слышала рассказы обо мне.

Я быстро отворачиваюсь и ныряю в завешенный нитями бус дверной проем, чтобы поскорее убраться на задний двор. Эта элегантная женщина-олень в очередной раз напомнила мне о моей особенности – а заодно заставила осознать, как я сейчас выгляжу. Потная кожа, грязная одежда – на мне сейчас пара свободных полотняных штанов песочного цвета и рубашка с запахом, кое-как подпоясанная потрепанным пояском. Ноги до лодыжек покрыты камфорным маслом, которым я только что чистила бочку изнутри, мокрые волосы прилипли к щекам. Откинув пряди назад, я собираю их в хвост – и в этот миг мой разум уплывает в прошлое, меня накрывает воспоминанием.

Нежные руки, перевязывающие мои волосы алой ленточкой...

Улыбка, похожая на рассвет. Смех, похожий на полуденное солнце.

– Ее больше нет с нами, – говорю я себе, не давая распуститься. И прикусываю губу, чтобы загнать обратно подсту-

пившие слезы. – Она не вернется.

Так странно проявляется в нас скорбь. Бывают дни, когда я с трудом могу вспомнить ее лицо. А бывают дни, когда присутствие мамы кажется настолько реальным, что стоит только обернуться – и она войдет в комнату, благоухая пионами, смоченными дождем, и движения ее будут легкими, как шепот, а улыбающиеся губы сами собой сложатся для поцелуев – один мне, один – папе...

Совсем иной она явилась мне во сне прошлой ночью.

Тот сон навалился стремительно, стоило мне закрыть глаза – и я оказалась в море огня и крика, кругом были когти и клыки, и пальцы мамы безнадежно выскальзывали из моей руки...

Хотя утро очень теплое, даже жаркое, мороз пробегает по коже. Этот кошмар довольно долго не возвращался – но вот снова пришел, и кажется таким знакомым, будто годы так и не смогли стереть воспоминания.

Я трясую головой, будто силясь вытряхнуть из нее остатки страшного сна, и спешу по коридору на веранду. На меня волной наплывает летний свет, нежное тепло. Наш садик совсем узкий, зато длинный, тянется вдоль замшелой стены. Старое фиговое дерево бросает на траву уютную тень. В летнем воздухе травы пахнут особенно сильно. Грядки тянутся лучами к середине сада, знакомые ароматы овевают меня: хризантема, имбирь, полынь. Над грядками натянуты ленты с бубенчиками, чтобы отпугивать птиц, и они тихо позвани-

вают под дуновением легкого ветерка.

Я слышу радостный собачий лай. В траве на корточках сидит папа, а у его ног радостно распластался наш песик Бао, подставляя живот, чтобы его почесали. Папа ласкает его и угощает кусочками сушеного манго – любимым лакомством Бао.

При звуке моих шагов папа быстро распрямляется и прячет угощение за спиной. Бао недовольно гавкает – и в прыжке выхватывает у папы из рук последний кусочек манго, а потом бежит меня поприветствовать, его короткий хвостик весело виляет.

Я наклоняюсь погладить его, нахожу пальцами его любимое местечко между ушами.

– Привет, маленький обжора!

– Ты ничего не видела, ладно? – поспешно говорит мне отец.

Я бросаю на него косой взгляд.

– Да не волнуйся, я не собираюсь ябедничать Тянь!

– Вот и отлично. Потому что если наябедничаешь, я ей скажу, что сегодня утром ты проспала и забыла забрать у Мастера Оши нашу посылку с калганом.

О боги! Я и правда совершенно забыла про калган!

– Давай я сейчас сбегаяю, – предлагаю я, но папа качает головой.

– Это не срочно, милая. Сходишь завтра.

– Да, пап, там пришла госпожа Земби и ждет консульта-

ции, а вот это *действительно* срочно. Если не хочешь, чтобы Тянь с тебя шкуру спустила...

Он дергает плечом.

– И не напоминай! Я и так отлично знаю, на что эта женщина способна с помощью обычного ножа для чистки рыбы...

Смеясь, мы вместе возвращаемся в дом, шагая в ногу. На миг я чувствую себя почти как раньше, когда наша семья еще была полной, когда наши сердца еще не были разбиты. Когда мысль о маме не причиняла боли. Когда можно было позвать ее – и не расплакаться от того, что она больше никогда не ответит. Папа все так же улыбается и шутит со мной, но его улыбка больше не отражается в его глазах, и это напоминает мне, что я не единственная, чья память навеки отравлена горечью.

* * *

Я родилась в первый день Нового Года, под внимательным взглядом полной луны. Под оком луны родители везли меня домой с церемонии благословления в нашу лавку травников, которой предстояло стать моим домом на следующие семнадцать лет. Мне дали имя Леи – с восходящим в конце мягким тоном: родители сказали, что выбрали это имя, потому что всякий раз, когда его произносишь, губы растягиваются в улыбку, а им хотелось всегда улыбаться при мысли обо

мне. Так и вышло – даже когда я внезапно переворачивала поднос с перемолотыми травами, или запускала Бао в спальню, не помыв ему грязные лапы, все равно уголки губ мамы и папы неуклонно поднимались вверх при моем имени, как бы громко они его ни выкрикивали.

Однако в последние несколько лет даже это имя не может вызвать улыбки у моего отца.

Я очень похожа на нее. Я имею в виду – на маму. Иногда я замечаю, что папа вздрагивает, когда я спускаюсь в гостиную из спальни и неожиданно появляюсь в дверях – с распущенными волосами, в домашней одежде. Но ни один из родителей не знает, от кого из предков я унаследовала цвет глаз. Не представляю, что они подумали, когда впервые взглянули мне-младенцу в глаза и увидели ярко-золотые радужки.

Глаза цвета Новогодней Луны считаются благословением, редким символом удачи. Даром богов. Поэтому наши заказчики нередко просят, чтобы лично я смешала для них лекарство – думают, что это может добавить ему целительной силы. К нам в лавочку порой заглядывают даже демоны – вроде сегодняшней женщины-оленья: их привлекают слухи о человеческой девочке с золотыми глазами.

Тянь постоянно надо мной из-за этого подтрунивает.

– Они не верят, что ты чистокровная Бумага, – с заговорщицким видом сообщает она. – Говорят, что в тебе есть кровь демонов, что это от них у тебя глаза цвета Новогодней Луны.

Я никогда не признаюсь ей, что и в самом деле *хотела* бы, чтобы во мне текла кровь демонов.

В редкие выходные я ухожу в долину, окружающую нашу деревню со всех сторон, чтобы полюбоваться издали на племя птицеобразных демонов, обитающих в горах к северу отсюда. Хотя они совсем далеко, и я различаю только их силуэты на фоне неба, глазами души я вижу каждую деталь. Я представляю их серебряные и золотые перья, отблески солнца на крыльях. Демоны парят высоко над долиной, ловя крыльями ветер, и движения их грациозны, как ритуальный танец. Они выглядят настолько свободными, что я чувствую боль где-то глубоко внутри.

И хотя я понимаю, что все это пустые мечты, все же не могу перестать думать – если бы у моей мамы были крылья, она смогла бы просто улететь от тех, кто забрал ее у нас. И снова вернуться домой.

Иногда я подолгу смотрю в небо, надеясь неизвестно на что.

* * *

Следующие несколько недель проходят спокойно, отмеченные знакомыми умиротворяющими звуками – бульканьем кипящих в котле зелий, дружелюбным лаем Бао. Мы работаем не покладая рук. К отцу приходят новые заказчики, он консультирует их, беседует с фермерами, покупа-

ет редкие травы у заезжих торговцев, ездит за покупками. Так что, в основном, управление лавкой ложится на Тянь. А мне, как главной счастливнице, достается вся остальная работа, которую больше некому делать. Тянь то и дело появляется за плечом, чтоб поворчать – мол, я небрежно режу травы, слишком медленно пакую заказанные зелья, и неужели мне всякий раз надо напоминать, что она в бог знает каком поколении происходит от легендарных воинов клана Сиа и, в случае чего, будет вынуждена продемонстрировать мне свои великие боевые навыки...

– Увидеть наконец твои боевые навыки – и то интереснее, чем работать тут не разгибая спины, – бормочу я сердито, нагибаясь над полками кладовки, где мы храним заказы, готовые к отправке.

Моя последняя задача на сегодня – наполнить свежими травами банки и коробочки, которые стоят на аптечных полках, занимая пространство от пола до потолка. Это ингредиенты для лекарств. Вдоль стены идет стойка, а за ней стоит лестница на колесиках, нужная, чтобы добраться до самых верхних полок с травами. Я подкатываю лестницу, поднимаюсь на пару ступенек и как раз протягиваю руку к банке с надписью «Дождевые ягоды», но тут вдалеке слышится грозный звук.

Низкий гул боевого рожка.

Все звуки в округе мгновенно стихают. Разговоры, шлепанье сандалий по полу, – даже бульканье воды в котелках с

лекарствами, кажется, затихло.

Несколько мгновений мы просто ждем и прислушиваемся. А потом тишину разрывает стук подков. Лошади. Они скачут быстро, очень быстро. И приближаются – их топот становится все громче, вот он уже почти оглушает. За окнами вырастают высокие кривые тени, заслоняющие дневной свет, и лавочка погружается в сумрак. Тени, похожие на те, что являются мне в ночных кошмарах. Жуткие пародии на людей.

Тишина. Темный трепет страха. Где-то в соседнем доме начинает тоненько плакать ребенок. Со двора слышится собачий лай – и мое сердце сжимается. Это же Бао! Он давно убежал погулять, поклянчить чего-нибудь вкусного у торговцев, поиграть с детьми на школьном дворе – он обожает, когда ему ерошат шерсть, и всегда готов лизнуть малышей в щеки...

– Леи!

У подножия лестницы стоит отец. Он шепчет еле слышно и напряженно, протягивая мне руку, чтобы помочь спуститься. Лицо его бело, как полотно, и искажено страхом.

Рожок снова гудит – на этот раз куда громче, чем прежде, совсем рядом.

Я спускаюсь с лестницы и хватаю папу за руку. Пальцы дрожат. Или это дрожит его рука? Потому что оба мы слышим звук, подобный тому, который возвестил похищение мамы. Такой же рог звучал той самой ночью, когда слуги Ко-

роля-Демона навсегда забрали ее. Что они могут отнять у нас *на этот раз*?

Глава вторая

Стук подков во дворе кажется особенно громким в полной тишине. Я слышу все легкие звуки: хруст земли под ногами идущих, скрип их кожаных доспехов. Вот всадник спешивается, тяжело ступая на землю. Кони топчутся на месте и фыркают, отходя чуть в сторону. Шаги всадников приближаются и удаляются. Они неспешно расхаживают туда-сюда по улице, то и дело останавливаясь. Будто что-то ищут.

Только не нас, только не нас, лихорадочно думаю я, повторяя слова, как молитву.

Наконец шаги останавливаются прямо напротив нашего дома. Я слышу мужской голос, глубокий и низкий.

Демон.

– Тут? Ты уверен?

– Да, генерал.

– Не похоже. Знак еле читается.

– Это обычная нерадивость Бумажных, мой генерал. Я вас уверяю, это нужный дом.

Пауза. За ней – выдох, похожий на рычание.

– Ну, смотри, если ты ошибся...

Снова шаги – и наш дверной колокольчик бешено звонит.

Этот звук действует на всех как сигнал к пробуждению. Когда солдаты вступают на порог нашей лавки, присутствующих накрывает паникой. Покупатели бросаются на колени,

склоняясь в низких поклонах, сшибая пузырьки с настойками и банки с травами, роняя мебель. Пространство наполняется их дрожащими голосами – приветствующими, умоляющими. Где-то рядом разбилось что-то стеклянное. Я морщусь от звука разлетающихся осколков, а отец дергает меня за руку, задвигая себе за спину.

– Кланяйся! – шипит он.

Демоны приближаются. Несмотря на страх, прошивающий тело, несмотря на то, что сердце колотится где-то в горле, я не могу заставить себя поклониться им. Страх силен – но ненависть еще сильнее.

Солдаты демонов забрали мою мать. Такие же солдаты Лунной касты, как эти.

И только когда отец почти беззвучно выдыхает мое имя – скорее умоляя, чем приказывая, – я наконец опускаю голову. Когда я распрямляюсь, то вижу, что отец все еще старается заслонить меня от чужаков. Я чуть подаюсь в сторону, чтобы выглянуть из-за его спины.

Демонов трое. Каста Луны, столь чуждые облики – звероподобные существа, приближенные к людской форме. Быкообразный демон, который стоит посредине, – самый высокий из них и явно самый высокопоставленный. Это, очевидно, и есть генерал. Его широченные плечи, огромный рост и бычья сила заставляют кровь леденеть. Он одет в фиолетовое кимоно *шитаги* и широкие штаны, по бедрам перепоясан кожаным ремнем. Его короткие белые, как кость, рога

увиты талисманами, медальоны ярко блестят на темной коже, похожей на звериную шкуру.

Рядом с ним – второй демон-бык, только поменьше, и с одним сломанным рогом. Третий – солдат-рептилия с длинными человекообразными руками и ногами, кожа которых покрыта зеленоватой чешуей. Демон-игуана вертит головой, оглядывая нашу лавчонку. Из рта его то и дело вырывается раздвоенный розовый язык и нервно облизывает губы.

Генерал поднимает руки – и все присутствующие припадают к полу от страха. Но он только улыбается.

– Ну что вы, что вы, – лениво выговаривает он. – Нет нужды так бояться, друзья мои.

Друзья мои. Он произносит эти слова с улыбкой, но они горьки, как яд.

У него глубокий бычий голос. От левого уха все его лицо пересекает длинный извилистый шрам, от которого он кажется еще уродливее, а улыбка делается кривой усмешкой. Я чувствую внезапный прилив благодарности к воину, который наградил его этим шрамом.

– Мы отлично помним, что случилось в вашей деревне несколько лет назад, – продолжает он. – Но, уверяю вас, сейчас нет повода пугаться. Мы пришли с мирными намерениями. Я – генерал Ю, командующий Седьмым Королевским Батальоном, элитной гвардией нашего великого Короля-Демона. Возможно, вам уже случалось слышать о наших подвигах? – Ответом ему служит молчание, и улыбка его дела-

ется напряженной. – Ладно, неважно. Не слышали – значит, услышите. И запомните после сегодняшнего дня.

Он подступает еще ближе – тяжелыми бычьими шагами. Я борюсь с желанием отшатнуться, убежать. Нас с ним разделяет только деревянная стойка. И тут его взгляд падает на меня.

Он замирает, и я вижу, как в его глазах при виде меня поднимается нечто... клубящееся. Какой-то сгусток энергии. Я вздергиваю подбородок, стараясь отважно ответить на его взгляд, но щеки пылают, сердце бьется часто, как воробьиные крылышки. Он разворачивается к присутствующим – и его лицо выглядит довольным.

Торжествующим.

Отчего же он так доволен, увидев... просто-напросто меня?

– Добро пожаловать, генерал Ю, – говорит наконец мой отец, и голос его кажется очень тихим по сравнению с генеральским бычьим ревом. – Большая честь служить вам и вашим солдатам! Но, как вы сами видите, у нас сегодня очень много покупателей. Если вы скажете, чем мы можем вам помочь, мы будем очень рады исполнить ваше желание. А потом вы продолжите свой путь, а мы вернемся к работе.

Генерал снова взмахивает руками.

– Конечно, мы скажем! Мы совершенно не собирались отрывать вас от дел надолго. Наверное, непросто заправлять лавкой с таким множеством посетителей в одиночку, без по-

мощи жены? Я слышал, она была в числе женщин, которых забрали в тот день, – добавляет он обыденным тоном, от которого меня бросает в дрожь.

У Тянь, которая стоит в другом конце комнаты, шерсть встает дыбом.

– Итак, – продолжает генерал, кивнув своим солдатам, – я слышал, что после потери жены вам отлично помогает дочь. И эта девочка отличается особенной *удачей*, – улыбка его становится еще шире, обнажая зубы. Я вижу пятна на его рогах. Темные пятна... Чья-то кровь? – Ну, что скажешь, старина? Могу я удостовериться, насколько правдивы слухи? Покажи нам свою дочурку с бумажной кожей и краденными глазами демона!

– Скажите... скажите, что вам нужно, – с трудом выговаривает мой отец, но солдаты уже движутся в его сторону.

– Нам нужна твоя девчонка! – рявкает генерал.

И бросается на меня.

Дальше все происходит одновременно и сразу. Тянь пронзительно вопит, отец пытается отбросить меня назад с криком – «Беги!».

Я успеваю только развернуться – но генерал перепрыгивает через стойку, которая трещит и ломается под его весом. Все кругом кричат и мечутся. Вопли покупателей, которые разом пытаются выскочить наружу, треск ломающегося дерева... Я ныряю вперед, устремляясь к задней двери, но генерал срывает занавески из бусин одним движением, бусины

со стуком разлетаются по полу. Я поскользываюсь на них и теряю сандалию.

Мгновение – и генерал хватается меня.

– Нет! – отчаянно кричу я, пытаюсь вырваться из его рук, крепких, как железо, но он подхватывает меня, как пушинку, и вместе со мной выскакивает из лавки.

Я пытаюсь вывернуться, чтобы разглядеть, куда он меня тащит. Ниже по улице стоит большая повозка, запряженная двумя лошадьми. Они огромные, больше всех коней, которых я видела в своей жизни, их глаза дико блестят, ноздри выпускают пар, морды схвачены железными намордниками. Еще два таких же коня запряжены в повозки поменьше – для солдат генерала.

Позади слышатся крики. Из лавки за нами выбегают отец и Тянь, но солдаты – ящерица и бык – перехватывают их.

– Генерал Ю! – отчаянно кричит папа, пытаюсь вырваться. – Прошу вас! Умоляю! Скажите, куда вы забираете мою дочь?

Солдат-игуана плюет ему в лицо.

– А ты как думаешь, болван?

Генерал спокойно разворачивается, опуская меня на землю.

– Ну что ты, Сит, – укоризненно отвечает он своему солдату. – Ты же знаешь, что ничего тут нет страшного. – Он перехватывает меня поудобнее, причем так крепко прижимает меня к себе, что я ощущаю его твердые пальцы сквозь

одежду. – Старина, я просто забираю твою дочь, чтобы доставить ее по назначению. До меня дошли слухи о ее красивых глазах, и я подумал, что она наверняка пригодится при дворе. Или так: из нее получится отличный подарок.

Лицо отца бледнеет, как полотно.

– Вы... вы же не хотите сказать...

– Откуда такая грусть? Старина, тебе следовало бы улыбаться! Твоя девчонка попадет туда, куда мечтает попасть любая девушка королевства! Любой отец был бы в восторге! Она будет жить в Сокрытом Дворце Хана всю оставшуюся жизнь, в роскоши, которая пристала верным служанкам нашего милостивого государя – и служить ему в постели. И не только в постели!

– Нет, – в отчаянии выдыхает мой отец. Тянь замирает, как будто ужаленная змеей, ее глаза расширяются.

Генерал раздражается смехом и ерошит мне волосы.

– Представляешь? Твоя дочь удостоится чести стать Бумажной Девушкой! Наверняка ты о таком даже мечтать не смел!

Бумажной Девушкой.

Эти слова словно повисают в воздухе. Все это чудовищно, неправильно, невозможно, такого просто не может со мной произойти. Только не я. Только не в Бумажные Девушки.

Но раньше, чем я успеваю выговорить хоть слово, снизу слышится яростный собачий лай. Маленькая тень на коротких ножках бросается к нам. Белая собачка с серыми пятна-

ми.

У меня внутри все обрывается.

– Бао, – выкрикиваю я хриплым от ужаса голосом. Потом чуть громче: – Бао! Быстро домой! Домой! Кыш!

Но песик, как обычно, меня не слушается. Подскочив к ногам генерала, он припадает на передние лапы и яростно скалит зубы.

– Привет, малыш, – издевательски цедит генерал, глядя на Бао своими бычьими глазами. Песик кажется размером не больше его заканчивающейся копытом стопы. – Пришел попрощаться со своей подружкой?

Он протягивает руку, и Бао щелкает зубами.

Генерал бросает взгляд на своего солдата-рептилию.

– Сит, – холодно говорит он, – разберись с ним, будь добр.

Рептилия усмехается.

– Один момент, генерал.

Слышен свист стали – он вытягивает из ножен катану.

Лезвие блестит в воздухе. Один взмах клинка – и сталь входит Бао в живот. А потом Сит медленно, ужасающе медленно протягивает катану в мою сторону. На клинок нанизан мой песик.

Бао не успевает издать ни звука. На одно отчаянное мгновение я пытаюсь убедить себя, что он жив, что все это неправда, что катана каким-то образом могла пройти его тельце насквозь, не причинив ему вреда, и сейчас он соскочит с клинка и отбежит в сторону, будет жить, махать хво-

стиком, кланчить у отца угощения, вертеться у Тянь под ногами... Сейчас, сейчас все снова станет хорошо, а весь этот кошмар окажется тем, что он и есть: просто кошмарным сном. И можно проснуться, положить ему конец.

Но тут Бао начинает извиваться, из раны хлещет кровь и стекает по клинку, окрашивая его темным, пачкая костяную рукоять и сомкнутые на ней чешуйчатые пальцы.

– Прощайся с родней, девчонка, – шипит ящер, между зубов виден его раздвоенный язык. – Поторопись. Больше ты их никогда не увидишь. А если будешь сопротивляться, твой папаша и эта старая драная рысь закончат так же, как твой щенок. Ты этого хочешь?

Я выворачиваюсь в руках генерала – и вижу, как мой отец и Тянь безуспешно пытаются вырваться из хватки второго солдата-быка. Наши с папой взгляды встречаются. Я пытаюсь растянуть губы в подобие улыбки – и он затихает, на его лице проступает робкая надежда.

– Я люблю тебя, – шепчу я отцу, и в глазах его вспыхивает страшное осознание. Но я успеваю отвернуться и удерживаю слезы.

– Я не буду сопротивляться, – говорю я генералу.

– Вот и славно, хорошая девочка.

Он ведет меня к повозке – вернее, волочит за собой, так грубо, что я спотыкаюсь. Отец и Тянь начинают кричать у меня за спиной, и мне требуются все силы, чтобы просто не смотреть в их сторону, карабкаясь на сиденье. Повозка слег-

ка проседает под тяжестью генерала, когда он поднимается и плюхается рядом со мной. Через мгновение лошади трогаются с места, увозя нас из деревни. Под тяжкий стук подков мой мир сжимается до темного пространства повозки, наполненного острым звериным запахом демона-быка.

Глава третья

Каждый ихаранец знает, кто такие Бумажные Девушки.

Этой традиции двести лет. Король-Бык провинции Хан – центральной в Ихаре – захотел захватить власть над остальными семью провинциями, от Цзяны, на юге, до моей родной провинции Сяньцзо, на самом севере. После кровопролитной трехлетней Ночной Войны Король-Бык преуспел в своем намерении, и все наше королевство оказалось под властью демонов. Раньше в каждой провинции была собственная система управления, свои обычаи и законы. В некоторых провинциях правила каста Бумаги, в каких-то – Луны, а где-то – совет кланов. Но после Ночной Войны у нас единый правитель – Король-Демон. Его солдаты наводнили все земли, добираясь до самых отдаленных городов и селений, чтобы насадить там новые законы. Каста демонов процветала, а кланы Бумажной касты были смешаны с грязью. С новой централизованной системой крупные города становились еще крупнее и могущественнее, а небольшие поселения беднели и вымирали.

Годы, следовавшие за Ночной Войной, были почти такими же тяжелыми и темными, как военные. То и дело среди прежних кланов вспыхивали восстания, многие пытались вернуть былую власть, свергнуть королевских ставленников. Порядок был восстановлен единственным методом, извест-

ным Королю: кровопролитием.

В знак союза между разными кланами и племенами был установлен новый обычай. Каждый год Король выбирал из кланов Бумажной касты восемь девушек, которые становились его наложницами. Восемь – ради счастливого числа, означающего процветание и удачу, а кроме того, по числу восьми провинций королевства. Считалось, что снисхождением к женщинам из низшей касты Король демонстрирует народу свое благоволение и бескорыстие. Семьи избранных девушек получали от Короля богатые дары и навеки избавлялись от нужды – родне королевских наложниц больше никогда не приходилось работать.

Тянь рассказывала мне, что в провинциях, наиболее близких к столице – таких, как Райн и Анг-Хен, – многие семьи готовят самых красивых своих дочерей к этой роли с детства и задействуют связи с королевским двором, дают взятки, интригуют, лишь бы только протолкнуть девушек в наложницы, когда придет время ежегодного выбора.

В моей деревне истории о Бумажных Девушках относятся к тем, которые рассказывают только шепотом и при закрытых дверях. Мы слишком многое потеряли при набеге демонов десять лет назад, чтобы позволить себе потерять еще и своих сестер и дочерей.

Или *матерей*.

Пока повозка генерала Ю везет меня по сумеречным равнинам, мысли сами собой возвращаются к тому, о чем я

предпочла бы не думать, слишком это страшно и больно. Может быть, мою мать увозили этой же дорогой? Я часто размышляла, куда именно ее и других похищенных женщин увезли солдаты-демоны. Может быть, во дворец? Альтернативы были слишком ужасны, о них я предпочитала совсем не думать. Впрочем, все это было *слишком ужасно*. Но когда мысли о судьбе мамы все же проникали против воли в мой разум, во мне теплилась надежда на чудо: вдруг моя мать до сих пор жива где-то там, в далеком дворце?

В том самом дворце, куда сейчас везут меня генерал и его солдаты.

Я смотрю в щель окна глазами, полными слез, и во мне пробуждается отблеск той самой надежды, отчасти прогоняя страх. Мне безумно не хочется покидать дом – но раз уж так сложилось, может быть, у меня появился шанс узнать правду о маме.

А может быть, не только узнать о ней... Но и встретить ее!

* * *

Долгое время мы едем молча. Ни генерал, ни я не издаем ни звука. Сиденье обито шелком, на нем лежат опрысканные чем-то душистым мягкие подушки. Сквозь закрытые окна повозки проникают полосы света. В воздухе чувствуется что-то странное, словно электрический разряд: это магия. Наверняка магия управляет лошадьми вместо возницы,

указывая им путь и придавая небывалую силу и скорость.

– Нечего грустить, детка!

Рокочущий голос генерала выводит меня из оцепенения. Я стараюсь как можно дальше отодвинуться от него, но некуда деться от его ужасного запаха, от влажного жаркого дыхания.

– Тебя ждет жизнь, о которой любая девушка в королевстве может только мечтать! Думаю, ты не развалишься, если наконец начнешь улыбаться.

Я украдкой смахиваю слезы.

– Я мечтаю совсем о другом, – тихо шепчу я себе под нос.

– Какая жизнь, кроме самой жалкой, могла быть у дочери несчастного торговца травами?

– Любая участь лучше, чем быть наложницей короля.

Я шепчу еле слышно, но генерал расслышал. Его ручища хватает меня за лицо и сдавливают щеки – так сильно, что я невольно приоткрываю рот.

– Думаешь, ты особенная? – ухмыляется он. – Ты у нас выше того, чтобы быть наложницей, так, что ли? Ты просто понятия не имеешь, как живет вся остальная страна. Вы, деревенщины, всю жизнь прячетесь по своим жалким норам в забытых богами провинциях и думаете, что король тоже о вас забыл, что он вас не видит. – Ноздри быка трепещут. – Но вы ошибаетесь. Глубоко заблуждаетесь! Король повсюду, его власть распространяется и на вас. Он всемогущ. Десять лет назад он уже дал вам почувствовать свою власть, а сего-

дня ты снова испытала ее на себе. Видишь, как просто мне было забрать тебя из дома? Стоило только руку протянуть. Не труднее, чем сорвать цветок. С твоей шлюхой-мамашей это было так же легко.

Оскалившись, он отталкивает меня – так сильно, что я ударяюсь головой и невольно вскрикиваю от боли, ощутив во рту вкус крови.

– Так-то, – усмехается генерал. – Визжи, если хочешь. Слышал, что Королю нравится, когда его шлюхи визжат.

Я стискиваю зубы и выпрямляюсь, потирая щеку.

– Значит, ты знаешь, что случилось с моей матерью, – говорю я. – Что ваши солдаты сделали с моей деревней.

– Да, что-то такое слышал, – пожимает он плечами. – Не уверен, что именно. Все эти мелкие походы для наведения порядка похожи друг на друга.

Руки сжимаются в кулаки.

– Ваши солдаты разрушили нашу деревню. Разрушили мою семью.

– Тебе лучше забыть, что у тебя когда-то была семья, девочка. Все равно ты больше никогда их не увидишь.

– Нет, увижу, – шепчу я почти беззвучно, когда он отворачивается к окну. Эти слова на губах – мой тайный обет.

Кони скачут без отдыха много часов, не замедляя хода и не уставая. Мы пролетаем по равнинам Сяньцзо, по черно-зеленому лоскутному одеялу полей, мимо селений, по низким холмам и густым лесам. Я никогда еще так далеко не

уезжала от своей деревни – да что там, не уходила из дома дольше, чем на несколько часов, – но ландшафт пока привычен, примерно так же выглядят наши окрестности.

А потом пейзаж начинает меняться.

Мы сделали резкий поворот – и теперь повозка катится мимо широкой полосы выжженной земли. Лошади туда не ступают, но запах гари повсюду, он висит в воздухе. Пожарище кажется раной на теле земли. Я различаю остовы сожженных домов – и понимаю, что это остатки деревни. Кое-где среди горелых руин торчат флагштоки с багровыми флагами, которые лениво хлопают на ветру. На багровых полотнищах – знак черного бычьего черепа: королевский герб.

– Что здесь случилось? – спрашиваю я генерала сдавленным голосом.

– Да ничего особенного. Оказалось, что деревенские прячут у себя горстку повстанцев, – отвечает тот. – Ясное дело, деревню сожгли вместе со всеми *кееда*.

Кееда. Черви. Это старое оскорбительное слово, которым демоны называют Бумажную касту. До сих пор я слышала это слово лишь один раз – из уст демона-волка, который случайно попал в нашу деревню, тяжело раненный и полубезумный от горячки. Это он выплевывал слово *кееда* в наш адрес, будто выталкивал изо рта рвоту, и я, даже не зная его значения, оскорбилась самому звучанию.

Тот волк, помнится, отказался подпускать к себе нашего доктора. А через несколько дней его нашли мертвым на до-

роге, ведущей из деревни в сторону леса.

– И много у нас в провинции... таких мест?

Генерал хохочет.

– Больше, чем достаточно. Это у нас с тобой сейчас обзорная экскурсия. Специально для тебя.

Я отворачиваюсь от окна, меня тошнит. Наша деревня стоит на отшибе, я никогда не задумывалась о том, как много зла правление Короля причинило всей остальной Ихаре. Моим собратьям по Бумажной касте, людям. Но вот передо мной ясное свидетельство – ужасная картина разрушения, выжженная земля, нечто совершенно противоположное созиданию.

* * *

Должно быть, я ненадолго заснула, потому что первое, что я вижу, когда открываю глаза, – это пустая темная повозка. Тишина, далекие огни.

Генерала рядом нет.

Я вскакиваю и пробираюсь к выходу из повозки – к полотнищу, которое его завешивает. Отодвинув край полотнища, выглядываю наружу и жмурюсь от света – это фонарики, которые висят под крышей дома напротив. Мы на небольшой улице какого-то городка или деревни. Кто-то привязал наших лошадей к коновязи. В конце улицы слышны голоса, отдающие приказы, стук каких-то ящиков, которые, види-

мо, грузят или выгружают. А еще ясно слышится ритмичный плеск воды. Прибой.

Я никогда еще не видела моря. Глубоко вдохнув, я ощущаю в воздухе привкус соли. А потом – пока я еще не утратила решимость – возношу быструю молитву всем богам, которые готовы меня услышать, и выпрыгиваю из повозки.

Я приземляюсь неловко – повозка оказалась выше, чем я думала. Этот звук тревожит лошадей – они встают на дыбы, бьют копытами. Я едва успеваю выкатиться из-под копыт и бросаюсь бежать.

Бежать трудно – булыжники мостовой ранят босые ноги, но я не обращаю внимания на боль и несусь изо всех сил, вокруг все сливается в мешанину тьмы и фонарей, я совершенно не понимаю, где я и куда бегу. В конце улицы я на миг останавливаюсь оглядеться, тяжело дышу, согнувшись пополам. Две дороги, влево и вправо, на вид – никакой разницы, я выбираю левую – в противоположную сторону от шума прибоя. Плавать я не умею, так что попробую спрятаться где-то в городе, может быть, получится украсть лошадь...

За спиной я слышу приближающиеся крики. И, как могу, ускоряю бег. Я сумею, я выдержу! На меня накатывает восторг победы: я быстрее моих преследователей, мне удалось сбежать!

В конце улицы я бросаю быстрый взгляд через плечо и тут же врезаюсь головой в кого-то, вставшего у меня на пути.

От удара я прикусила язык. Мы оба падаем на мостовую,

причем я больно приземляюсь на спину – и со стоном перекачиваюсь на бок, сплевывая кровь. Упираясь руками в землю, я пытаюсь подняться на ноги – но раньше, чем мне это удастся, меня хватает за горло чешуйчатая рука.

– Глупая девчонка, – шипит отвратительный голос рептилии. – Решила сбежать? – К шее прикасается холодное острие кинжала. – Сейчас ты за это заплатишь.

Сит.

Солдат-ящер рывком поднимает меня на ноги, его хватка крепка, как железо, хотя я вырываюсь и бьюсь в его руках изо всех сил. С разных сторон улицы на нас молча смотрят люди, кто-то выглядывает из окон, кто-то стоит в дверях.

– Помогите! – кричу я им, но они безмолвно отшатываются. Должно быть, рассмотрели, что на Сите форма королевского солдата, заметили герб Короля на повозке.

Он тащит меня в повозку и швыряет внутрь. Я беспомощно падаю на дощатый пол и слышу цоканье когтистых ног Сита, который поднимается следом. Через мгновение он упирается ногой мне в спину. От неожиданности я падаю лицом вниз и ударяюсь подбородком о пол, не удержав крика. Он сильнее прижимает меня к полу.

А потом он наклоняется и поворачивает свое наполовину рептилоидное, наполовину человеческое лицо так, чтобы заглянуть мне в глаза. Его глаза – змеиные, с длинным вертикальным зрачком на серо-голубой радужке. Я вижу вспышку розового – это его язык вырывается из пасти, чтобы кос-

нуться моей кожи.

Он сплевывает.

– Что за гадость, – бормочет он. – Ты вся пропахла травами из вашей жалкой аптеки. – Глаза его скользят ниже, к моей шее. – Похоже, тебя стоит хорошенько *вылизать*, что бы очистить от этой вони.

Все мое тело наполняется чудовищной паникой. Она разливается по жилам, подобно огню.

– Ты... ты не смеешь, – лепечу я, едва выговаривая слова. – Я ведь... я Бумажная Девушка...

Солдат-рептилия смеется, обрывая меня.

– А, ты наконец признала свой нынешний статус? Значит, тебе известно, какого рода служба от тебя требуется. Давай потренируемся.

Он обхватывает меня за плечи, тянет за воротник, оттягивая блузу назад. Чешуйчатые пальцы хватают меня за грудь, вызывая приступ тошноты. Рвота подступает к горлу, я пытаюсь вывернуться, сбросить его с себя, но чем сильнее я бьюсь, тем крепче его хватка. Он наваливается сверху, прижимая меня к полу...

Я отчаянно кричу...

Он зажимает мне рот ладонью.

– Тише! Молчи, а то я...

– Ну-ка быстро отвали от нее!

Низкий голос гремит, подобно грому. Сит немедленно откатывается в сторону, освобождая меня. Над ним возвыша-

ется гигантская фигура генерала, его рука лежит на рукояти кинжала, висящего на поясе. Черные глаза демона-быка пылают гневом.

Сит указывает на меня трясущейся рукой.

– Эта девка пыталась сбежать, генерал! Ей почти удалось, но я перехватил ее и притащил обратно. Я просто... просто пытался удержать ее на месте до вашего возвращения...

– Лжец! – яростно выплевываю я.

Генерал переводит взгляд с меня на Сита, лицо его не выражает никаких эмоций. Потом он разворачивается.

– Корабль готов к отплытию, – сообщает он, как будто ничего особенного не произошло. – Идите за мной.

Я чувствую, как Сит расслабляется.

– Да, мой генерал.

Генерал бросает на него взгляд через плечо.

– И вот что, Сит. Если я еще замечу, что ты хоть пальцем прикоснулся к девчонке без крайней необходимости, сам будешь объяснять Королю, как тебе удалось испортить одну из его наложниц.

Лицо ящера искажается от страха.

– Да, мой генерал.

На этот раз он хватает меня за плечи там, где мое тело прикрыто одеждой. Но толкает вперед с прежней ненавистью, к тому же бросает на меня косые взгляды, и его узкие глаза игуаны еще сильнее щурятся от злости.

Мы идем за генералом – в направлении противоположном

тому, куда я пыталась убежать. Мы движемся в сторону моря, к порту, где даже в это время суток кипит жизнь. Над морем до горизонта простирается широкое, усыпанное звездами небо. За нашими спинами – улица, полная освещенных ресторанчиков и кальянных, ночной воздух полон веселым щебетом отдыхающих, порой слышатся громкие голоса – люди ссорятся, спорят о чем-то незначительном. Городок, кажется, небогатый – на улицах совсем немного демонов, и те в основном из касты Стали, у них человеческие тела с некоторыми звериными признаками. У одного из ночных магазинчиков на ветру бьется флажок – и я различаю на нем герб: фигуру демона-пса. Это знаменитый символ клана Ноэй, Черных Шакалов.

– Мы что, уже в землях Ноэй? – спрашиваю я генерала.

Тот не поворачивает головы, но слегка кивает, и я принимаю это за знак подтверждения.

У меня мигом пересыхают губы. Ноэй – это провинция далеко на востоке от Сяньцзо. Значит, мы уехали гораздо дальше, чем я думала.

Генерал ведет нас в дальнюю часть порта. Мы проходим мимо молодых моряков, одетых в потрепанные саронги с поясами на талиях, проходим рыбаков, которые вынимают из сетей живых бьющихся кальмаров... Тянь рассказывала мне немало историй о море, и я представляла себе все эти корабли так, что в моем воображении они все были примерно одинаковыми по размеру и форме. Но тут их так мно-

го, и все совершенно разные – от маленьких рыбацких каное с разноцветными парусами до длинных ладей, груженных фруктами, от крохотных баркасов, похожих на бочонки, призванных перевозить пассажиров через пролив, до прекрасных плотов-*пайао*, украшенных цветными лентами. На набережной горят фонари, крытые галереи сверкают, и разноцветные огни отражаются в воде, окрашивая ее яркими живыми цветами.

В любой другой момент своей жизни я бы думала только о том, как это красиво.

Мы останавливаемся в самом конце дока, где пришвартована трехъярусная джонка. Ее развернутые паруса, похожие на рыбы плавники, хлопают на ветру.

* * *

Солдат-бык со сломанным рогом ждет меня на сходнях.

– Капитан готов отчалить, генерал, – докладывает он.

– Отлично. Сит, отведи девчонку в каюту.

– Есть, генерал.

– И помни, что я тебе сказал.

Он отворачивается – и солдат-ящер тут же оскаливается мне в лицо и наклоняется к моему уху.

– Можешь снова попробовать сбежать, девчонка, – шепчет он, – но на этот раз тебя поймаю уже не я. Тебя поймают руки самого моря. И их объятие тебе понравится даже меньше,

ше моего.

Я стараюсь не смотреть на него, никак не реагировать. Однако тяжесть его слов невольно пригибает мои плечи к земле. Потому что – как бы ужасно это ни было – он совершенно прав.

Шанса на побег у меня больше нет.

Глава четвертая

Я не знаю, как далеко уносит меня корабль, и никто мне об этом не расскажет. Я пытаюсь делать выводы по смене океанских пейзажей, высматривать вдали полосы земли, но на протяжении трех суток серо-синяя гладь моря кажется совершенно одинаковой. Большую часть времени я провожу в каюте, согнувшись над ведром. Меня выворачивает наизнанку. Морская болезнь настолько вымотала меня, что почти нет сил беспокоиться о том, что ждет меня по прибытии на берег. Я уже сдалась, слабость проникла в мои кости, я готова ко всему – и не устаю твердить это себе самой так часто, что мне почти удалось себя в этом убедить.

Дважды в день юнга приносит мне поесть. Это хороший мальчик-полудемон из собачьего клана, его человеческое тело покрыто густой серой шерстью, из-под рабочего саронга видны песьи лапы. Однажды вечером он принес мне дополнительную порцию паровых булочек *бао*, заметив, что предыдущей порцией меня бесславно вырвало. Этот маленький жест доброты так удивил меня – в том числе и тем, что его сделал некто из касты Стали, – что я не удержалась и спросила:

– Почему?..

Он замер на пороге и оглянулся через плечо, стараясь, тем не менее, не встречаться со мной взглядом.

– Что – почему?

– Почему ты помогаешь мне? Я ведь... я ведь из Бумажных.

Он снова разворачивается к двери и тихо отвечает:

– Это значит, что ты нуждаешься в помощи больше, чем кто угодно другой.

Я смаргиваю слезы и отворачиваюсь. Я рада, что он ушел раньше, чем заметил, как больно мне стало от его сочувствия.

Наконец наступает утро пятого дня плавания – и я слышу на борту громкие крики. Слов я не различаю, их уносит ветер, но наконец, по крайней мере, одно слово удастся разобрать. Слово влетает мне в сердце на черных крыльях страха и на светлых крыльях надежды.

Хан.

Королевская провинция. Мы на месте.

Я подбираюсь к окну. Сначала не могу ничего разглядеть, а потом в поле зрения появляется побережье и очертания города. Черный Порт – главный портовый город Хана. Свое имя он получил из-за черного камня окружающих его скал. Сам город куда больше, чем я могла себе представить, он раскинулся на многие мили, украшая побережье разноцветными зданиями и уходя далеко в сторону гор. Ярусы деревянных домов взбегают по склонам, приподнятые края крыш похожи на изогнутые листы горячей бумаги.

В гавани полно кораблей. Пробираясь между ними, наш

кораблик по сложной траектории приближается к берегу. Паруса и флажки других судов проплывают вдоль обоих бортов так близко, что нетрудно рассмотреть гербы и надписи на них. Тут и символы, означающие удачу, и знаки принадлежности к разным кланам, и багровые бычьи черепа на черных парусах военных кораблей.

— А, значит, ты все-таки жива, — слышится от двери каюты издевательский голос. — А мы уже начали бояться, что ты собственную душу выблюешь.

Я оборачиваюсь. На пороге стоит генерал Ю.

По крайней мере, ты признаешь, что у меня есть душа, думаю я. Но вслух, конечно, ничего не говорю.

Он манит меня рукой.

— Пошли.

Мы проходим по коридору и поднимаемся на борт. После долгого плавания взаперти я щурюсь, заново привыкая к открытому пространству, к морю и небу. Когда глаза наконец приноравливаются к свету, я могу нормально оглядеться: вот яркие паруса торгового корабля на соседнем причале, вот белые пятнистые животы чаек, разрезающих воздух над нами, вот огромный город, растянувшийся на мили, темное дерево его домов, пятна соли на стенах.

Порт полон красок и движения. По улицам, переходам, сходням, по палубам кораблей снует множество народа. В отличие от порта в Ноэй, тут куда больше демонов — кажется, их больше, чем людей. Это признак богатства и влиятельно-

сти провинции.

Я тревожно сглатываю. Вид стольких представителей каст Стали и Луны служит напоминанием о том, куда я попала. О том, зачем я здесь.

– Генерал, – окликает Сит, взбегая по сходням. – Экипаж подан. – Он кланяется генералу, и, заметив меня, мерзко усмехается.

Генерал ведет меня вперед. Я спускаюсь к ожидающей нас закрытой повозке, по пути оглядываясь и ища возможность сбежать. Но при свете дня, посреди самого оживленного ихаранского порта у меня нет шансов. Даже если побегу, не смогу убежать далеко.

Сит вырастает рядом со мной – чуть ближе, чем это пристойно.

– Помощь нужна? – мурлычет он мне в ухо.

Я отшатываюсь, пока он не успел ко мне прикоснуться.

– От тебя – никогда.

Перед внутренним взором тут же всплывает изумленное лицо Тянь, она поводит рысьими ушами: «Подумать только, какова наша маленькая негодница! Храбро отвечает демону, будто кожа у нее – лунная, а не бумажная!»

Я глубоко вдыхаю. А потом, расправив плечи и вскинув подбородок, быстро прохожу последние шаги, отделяющие меня от повозки. Если такова моя судьба – что ж, я способна принять ее с поднятой головой.

Без того, чтобы меня насильно тащили руки демонов.

Выехав из города-порта, наш экипаж катится по длинной дороге, петляющей по узкой долине между черных гор. Там и тут по сторонам встают странные неровные скалы, поросшие маленькими кривыми соснами и белыми цветами. Сухая земля покрыта красной пылью. Пыль стоит и в воздухе, поднимается ржавыми облаками из-под копыт лошадей. Хотя окна в повозке закрыты ставнями, и завеса над входом плотно задернута, все равно пыль проникает внутрь и тонким слоем оседает на коже.

Я облизываю губы. Пыль на вкус точно такая же, как на вид: она пахнет ржавчиной, грязью и безнадежностью.

Движение на дороге весьма оживленное. Всадники на лошадях и медведях, телеги, запряженные кабанами, тяжелые повозки-корабли на колесах, приводимые в движение ветром в парусах.

Генерал указывает мне на золоченый экипаж, стены которого украшены резьбой.

– Это племя Белого Крыла, – сообщает он, стараясь перекричать шум дороги. – Один из самых могущественных птичьих кланов Ихары. Уверен, даже в твоей деревушке о них слышали.

Я не отзываюсь на его насмешку. Наша повозка поравнялась с роскошным экипажем, и я во все глаза смотрю в щель

между ставнями. Бархатные занавески на окне раздвигаются, и я вижу прекрасное лицо девушки-лебедя, ее сияющие глаза, ярко-белое оперение, кажущееся серебряным. Ниже шеи оперение плавно переходит в алебастрового цвета кожу.

Я улыбаюсь ей – но она не отвечает на улыбку. К ее плечу прикасается чья-то рука, и она закрывает занавеску, исчезая в золотом экипаже.

Наша повозка подпрыгивает на колдобине, и моя голова дергается, невольно поворачиваясь к другому окну. За ним видна огромная повозка-корабль, которую тянет пара слонов. Грубая кожа зверей покрыта глубокими рубцами от ударов. Выгнув шею, я различаю пассажиров этой гигантской повозки. Они напоминают мне Тянь – это кошачьи демоны. Лица их наполовину скрыты платками, видны только глаза. Я поднимаю глаза на паруса – и вижу герб: три когтистые кошачьи лапы на ярко-желтом фоне.

– Вонючие кошки, – бормочет генерал, скривившись, и тут я понимаю, кому принадлежит повозка.

Когда Тянь рассказывала мне истории о Кошачьем Клане, голос ее всякий раз дрожал от восхищения. Изо всех племен демонов Клан Кошек – единственный, кто был и остается Бумажной касте чем-то вроде союзника. Они известны своей независимой, бунтарской натурой, они замешаны практически во всех больших и малых беспорядках – особенно в тех, которые призваны разозлить Короля-Демона.

За повозкой-кораблем Кошачьего Клана едут двое всад-

ников и быстро обгоняют ее. За их спинами выются на ветру широкие голубые плащи. Я не могу различить белых символов на плащах, но что-то в самой гордой осанке всадников заставляет думать о царственности, хотя, конечно, родней королю они быть не могут. Потому что они – люди.

Один из кошачьих демонов, перегнувшись через борт корабля, что-то громко кричит всадникам, отчаянно жестикулируя. Они отвечают на скаку, пришпоривают коней – и уносятся по дороге далеко вперед, лавируя между рядами едущих.

– Кто это? – спрашиваю я генерала.

– Люди клана Ханно, – отвечает тот без особой приязни. По лицу его пробегает странное напряжение, причину которого я не могу понять.

Конечно, я слышала о клане Ханно. Это самый большой и значимый Бумажный клан в Ихаре – они вернейшие союзники Короля-Демона. Сказать по правде, *почти единственные* его союзники из Бумажной касты.

Интересно, о чем двоим Ханно разговаривать с давними противниками Короля?

Дальше мы едем в молчании, день постепенно переходит в ночь. Поток повозок на дороге редет. Начинается дождь, нарушая зловещую тишину и наполняя воздух холодом.

Я смотрю в окно повозки. Безлунное небо низко нависает над пыльными равнинами. Тьма кажется настолько густой, что в нее можно нырнуть, как в воду. Я думаю об одном из

небесных богов – Чжокка, Вестнике Ночи: о том, что это он сейчас протянул руку и заключил меня в объятие, а на его лице светится довольная улыбка – светится огнем поглощенных им звезд.

– Ешь, – приказывает генерал, громким голосом пробуждая меня от темных видений. И сует мне в руки кожаную фляжку и какую-то еду, завернутую в лист пандана. – Не хочу, чтобы ты свалилась в голодный обморок прямо во время осмотра во дворце.

Я начинаю жевать слипшийся комочек риса, выкусывая его из обертки листа.

– А магия, которая управляет нашей повозкой – ее наложили имперские шаманы?

– О, гляжу, даже такая деревенская девчонка, как ты, о них слышала?

– Да кто во всей Ихаре об этом не слышал?

Он хмыкает.

– Полагаю, да. Хотя порой не понимаю, отчего в королевском дворце к этим шаманам так много почтения... как будто они сами и есть боги! Даже Король-Демон почитает их магию, как нечто священное.

Брови сами собой удивленно приподнимаются. Ни разу не слышала, чтобы кто-то отзывался об имперских шаманах так непочтительно! Во всей Ихаре их боятся и почитают сверх всякой меры. Как и Бумажные Девушки, они считаются тайной королевского дворца, окруженной множеством слухов и

суеверий. История имперских шаманов восходит к тем временам, когда Король-Демон только приступил к строительству Сокрытого Дворца. Он приказал своим архитекторам создать для него совершенно неприступную крепость, но те ответили, что это невозможно. Тогда Король-Демон казнил их на месте. Их преемники предложили ему оплести крепость по периметру постоянным *дао*. Ни один самый сильный шаман не способен на такое, поэтому нужно было привлечь к работе целую группу и сделать так, чтобы они работали непрерывно.

Не то чтобы раньше не было известно о способах смешения силы нескольких шаманов, но обычно это небольшая группа, призванная окружать кольцом защиты военный лагерь или временное поселение. Советники же Короля предложили ему создать постоянную защиту огромного замка. Множество шаманов, сменяя друг друга, должны были по очереди поддерживать неприступность дворцовых стен.

– Это правда, что при дворе живет больше тысячи шаманов? – спрашиваю я.

– Тысяча – это ничто, детка! Бери больше, их там много тысяч. Но вот чего я никак не пойму...

Он вдруг обрывает речь и отворачивается.

– Чего именно? – осторожно спрашиваю я.

Генерал сердито смотрит перед собой и тяжело дышит. А потом резким движением указывает на шрам, пересекающий лицо. Его лицо – полубычье, получеловеческое, широ-

кий плоский нос, выступающая нижняя челюсть – и так достаточно уродливо, но кривой шрам превращает его в страшную маску, в настоящее чудовище.

– Я получил это украшение в битве при Цзяне. Потом просил позволения Короля посетить имперских шаманов, чтобы они своей магией избавили меня от шрама. Но он мне отказал. Сказал, что шрамы украшают воинов, служат их чести. Что желание избавиться от следа жестокой битвы – признак слабости.

Внезапно я испытываю нечто вроде сочувствия к генералу – но это чувство умирает тотчас же, когда он проводит мозолистым пальцем по моей щеке.

– Вот зачем мне понадобилась ты.

– Что... что ты имеешь в виду?

Он окидывает меня довольным взглядом.

– Конечно, тебя нельзя назвать классической красоткой, тебе не хватает элегантности, грации – сразу видно, что ты не из аристократии. Но все-таки... эти твои необычные глаза. До сих пор ни разу не слышал о девчонке из Бумажной касты с таким цветом глаз. Это же настоящее благословение, и оно может возбудить интерес Короля. – Он наклоняется ближе, дышит мне в лицо. – По крайней мере, я на это надеюсь. Избранные девушки из всех провинций прибывают во дворец как раз завтра вечером. Главное для нас – получить одобрение госпожи Эйры и мадам Химуры.

Я непонимающе моргаю.

– То есть процедура выбора уже закончена?

– Закончена пару недель назад.

– Тогда зачем ты вообще меня привез? – в отчаянии выкрикиваю я.

На скулах генерала заиграли желваки.

– Мне нужно вернуть расположение Короля после того злосчастного случая со шрамом. Поэтому я отправил своих людей на поиски особенной девушки, которую я мог бы подарить государю в знак верности и преданности. Сит доложил мне о слухах о человеческой девчонке с золотыми глазами, но я до конца ему не верил, пока сам тебя не увидел. – Он смотрит на меня с вызовом. – Скажи мне, детка, в тебе ведь найдется все, что нужно, чтобы быть принятой ко двору? Ты постарайся?

Ярость душит меня изнутри, накатывает жаркой волной. Значит, вот почему он оторвал меня от дома, от родных, вот зачем потащил во дворец?

Чтобы я стала живой взяткой королю?

– Я совершенно не *желаю* быть принятой ко двору, – выдыхаю я.

Ноздри генерала раздуваются. Он хватается за горло.

– Тебе придется постараться, – рычит он, – и придется преуспеть. Иначе твоя семья – вернее, ее жалкие остатки – за это поплатится. Так что не вздумай совершить ни единой ошибки, *кееда*.

Он хватается за руки, поднимая их к моему лицу. Его

стальные пальцы больно впиваются в запястья.

– Потому что иначе их кровь будет на твоих руках. На этих самых руках, ясно?

Я с трудом вырываюсь, а он смеется.

– А, ты все еще считаешь себя выше предназначенной тебе судьбы. Я это ясно вижу, девочка. Но ты уж мне поверь – ничем ты не выше. Когда ты узнаешь, что происходит с гнилой бумагой, когда увидишь, как расправляются со шлюхами, которые плохо выполняют свою работу, ты будешь ползать на брюхе, умоляя Дворец принять тебя и не вышвыривать за ворота. – Он наконец отводит от меня взгляд и смотрит в окно. – Мы почти приехали.

Я выглядываю наружу – и вижу гибкие стволы бамбука, пролетающие за окном бело-зелеными смазанными пятнами.

– Где мы? – шепотом спрашиваю я.

– В великом Бамбуковом лесу Хана, – в голосе генерала слышится гордость. – Это важная часть оборонной системы дворца. Он слишком густой, чтобы в него можно было въехать верхом, и непроходимый для любой армии. Чтобы прорубить в нем дорогу, потребуется много дней.

– Но как во дворец попадают торговцы? И другие посетители?

– Если у них есть разрешение на въезд, имперские шаманы дают им *дао*, открывающее скрытую дорогу.

Лес полон странных звуков – совиных криков, шума до-

жды, возгласов неведомых животных, скрытых в бамбуковой чаще. Воздух кажется плотным из-за испарений теплой и мокрой земли. Неожиданно повозка останавливается. Конни встают смирно, завеса леса расступается перед нами, и мое сердце замирает.

Передо мной – Сокрытый Дворец Хана.

Крепость Короля-Демона.

Черная скала темна, как ночь. Стены высоки, заслоняют луну. Они вздымаются, как скелет огромного каменного зверя. По хребту скелета видны маленькие фигурки – это замковая стража на стене. Стены окружены странным мерцанием, и когда мы приближаемся, я различаю, что под влагой, покрывающей стены, поблескивает множество символов, словно бы вживленных в камень. Они шевелятся, переплетаются друг с другом, танцуют и перетекают один в другой. Тихий гул – далекое пение – достигает моего слуха. Так вот они какие – имперские шаманы!

Я чувствую, как кожа покрывается мурашками. Я никогда еще так ясно не ощущала присутствия магии. Какая она сильная... и какая... грубая...

Повозка резко останавливается. Через несколько секунд в ее деревянную стену кто-то громко стучит – и я подпрыгиваю от неожиданности.

Завесу над входом откидывает стражник – это демон-медведь.

– Генерал Ю! – приветствует он. – Вы уже вернулись из

Сяньцзо! Замечательно! – На шерстинках, покрывающих его лицо, замерли капельки дождя. Взгляд его падает на меня – и он поднимает мохнатые брови, часто моргает. – Могу я спросить, генерал, кто наша гостья?

– Леи-чжи прибыла ко двору, чтобы войти в число Бумажных Девушек, – отвечает генерал. – Я посылал вперед двух гонцов, которые должны были тебя предупредить. Полагаю, ты получил сообщение? Или нас продержат тут в ожидании, как уличных торговцев, явившихся предлагать за гроши всякий хлам?

Стражник-медведь отшатывается.

– Нет, конечно, генерал. Подождите секундочку. Я спрошу начальника стражи, господина Амара.

Я смотрю в щель между ставнями, как стражник, сгорбившись под дождем, ковыляет к караульному посту за высокими воротами. Ворота глубоко врезаны в стену. По обеим сторонам ворот возвышается по гигантскому *пекалангу* – статуе, которую помещают у входа в здания в качестве защиты от злых духов. Здешние пекаланги представляют собой огромных, выше двадцати футов ростом, быков с оскаленными пастьями. Каменные руки статуй держат жаровни, в которых горит яркое пламя. Когда мои глаза привыкают к огню, я замечаю, что за воротами дальше по коридору стоят ряды похожих статуй. И тут я замираю на месте, потому что понимаю, что это не статуи.

Они живые. Это ряды стражников.

У меня перехватывает дыхание при виде сотен демонов – из каст Луны и Стали – плечом к плечу охраняющих вход во дворец. Они неподвижны, смотрят перед собой, почти не мигая, и держат наизготовку острые катаны. Пламя жаровен отражается в их глазах – глазах демонов: газели, шакалы, тигры, кабаны бдительно охраняют коридор, не шевеля ни единым мускулом.

Я невольно вжимаюсь спиной в стену повозки.

Один из стражей трогается с места и знаком позволяет нам войти. Лошади тянут повозку вперед – и, миновав главный вход, мы въезжаем в следующие ворота, поменьше. За ними лежит туннель, узкий и тесный, похожий на кокон темноты. От его стен гулко отдаются голоса жрецов, поющих заклинания. А потом все звуки разом умолкают.

Я вижу вспышку, похожую на молнию.

Все тело мгновенно охватывает жар – будто я ступила в пламя костра.

Я прикусываю язык, чтобы не закричать. Жар практически невыносим, как струя кипятка, оглядываюсь – но не вижу ничего, что могло бы так сильно жечь.

– Что... это такое? – с трудом выговариваю я.

– Мы проходим зону защитной магии шаманов, – объясняет генерал. – Если мы окажемся не теми, кем себя назвали при входе, это *дао* покажет страже нашу истинную сущность. Но магия, которая может обмануть шаманскую защиту, по силам только еще более могущественным шаманам.

Я бы сказал тебе, что со временем ты привыкнешь к этому ощущению, да только это неправда – ты больше никогда не выйдешь из дворца, – он криво усмехается. – Добро пожаловать, Бумажная Девушка.

Глава пятая

Когда мы покидаем туннель, магический жар спадает. Прекращается и напряженное молчание. Первое мое впечатление от дворца – запах. Он настолько сладок, что рот сразу наполняется слюной: ночной жасмин. Стены внутреннего двора увиты его зелеными лозами, покрытыми оранжевыми цветами. Настенные светильники освещают огромный внутренний двор, в углах которого таятся тени. Он совершенно пуст, если не считать павильона охраны и длинного ряда конюшен. Из стойл виднеются головы огромных животных, их ноздри выпускают пар. Я вижу там и лошадей, и газелей, и даже кого-то вроде медведя, закованного в латы.

К нашей повозке устремляется двое стражников. Генерал приветствует их, и мы продолжаем путь. Я прижимаюсь к окну, чтобы разглядеть все подробнее, но тут наши кони ускоряют шаг, и за окном все сливается в цветные размытые полосы. Мне удастся рассмотреть только фрагменты места, которое теперь должно стать моим домом: блестящие от дождя камни булыжной мостовой, темную зелень ночного сада, изящные очертания храма с выгнутой крышей... Мы проезжаем площади и дворики поменьше, широкие пустые пространства... Размеры дворца меня поражают. Это не дворец, а огромный город – лабиринт площадей, садов и улиц, которые, как вены и артерии, ведут к сердцу – огромному бюу-

щемся сердцу этого места, где, как паук в центре паутины, восседает Король.

Я не могу не думать, так ли черно сердце нашего королевства, как о нем мне рассказывали близкие.

– Вот мы и приехали, – говорит генерал, когда повозка наконец останавливается. – Это Женский Двор.

Он откидывает завесу над входом, и я выхожу под дождь, в освещенную фонарями тьму. Лабиринт улиц заключен в клетку высоких стен. Дома смыкаются между собой, соединяясь мостиками и надземными галереями. Здания красиво украшены, их стены из розового дерева блестят от дождя. За *шоджи*, раздвижными дверями-ширмами, видны силуэты людей внутри. Перед каждым домом – широкая терраса, украшенная сувенирами на удачу, развешенными по углам, большими вазами и красными фонариками, свисающими с резных карнизов. В мягком, сонном свете фонариков слышатся женские голоса, смех, шлепки сандалий по деревянному полу, перезвон струн *цитры* – нежный и убаюкивающий.

Генерал ведет меня по темному проходу между двумя зданиями. Мы останавливаемся перед задней дверью, и он держит веревку колокольчика.

Изнутри слышатся быстрые шаги. Дверь распахивается, выпуская нас во внутренний двор. Открыла нам совсем юная девочка, лет десяти. Она изумленно смотрит на нас, у нее приятное округлое лицо и глаза олененка, волосы собраны

в растрепанный пучок на затылке, отдельные пряди заправлены за уши – длинные и подвижные, тоже оленьи. Она из касты Стали, но звериные черты в ней едва заметны – она почти ничем не отличается от человека.

Узнав генерала, она ахает и падает на колени.

– О, это вы, генерал Ю!

– Позови госпожу Эйру, – приказывает тот, едва взглянув на нее, и девочка тут же вскакивает.

– Да, генерал, сейчас, генерал!

Я смотрю ей вслед, пока она бежит по ступенькам вверх. Из комнат звенят девичьи голоса. Воздух теплый и пахнет свежим чаем. Это место кажется уютным и гостеприимным, его наполняет множество успокаивающих звуков, которые напоминают мне о доме. На секунду я представляю, что сейчас войду – и увижу Тянь и папу, и свою комнату, которая по-прежнему хранит мамин запах, и мне становится так больно, что я сжимаю кулаки, вонзая ногти в ладони, чтобы физической болью отвлечь себя от душевной.

Через несколько минут к нам выходит женщина. Она легко и изящно спускается по лестнице, и почему-то я сразу понимаю, что она тоже когда-то была Бумажной Девушкой: каждое ее движение полно непринужденной грации, которая достигается лишь путем долгих тренировок. Не знаю, сколько ей лет, но красота ее не поблекла. Кожа гладкая, карие глаза светятся живым умом и излучают тепло. Кимоно цвета спелой сливы облегает стройную фигуру, края обработаны

золотыми и серебряными нитями.

– Генерал Ю, – приветствует она моего конвоира легким кивком.

– Госпожа Эйра. Простите, что отвлекаю вас и что вынужден был явиться прямо в Женский Двор со своим делом, но оно не терпит отлагательств. – Он подталкивает меня вперед. – Хочу представить вам Леи-чжи.

Взгляд женщины быстро скользит по мне, словно пронизывая насквозь, и она слегка улыбается.

– Удивительное совпадение, что ты именуешь эту девочку титулом Бумажной Девушки. Я как раз только что занималась ими. Вся группа прибыла пару часов назад. Все восемь, если я не ошиблась в подсчетах.

– Да, я знаю, что мы припозднились, – настаивает генерал, – но, надеюсь, вы признаете, что она того стоит. Когда я отыскал эту девушку и был поражен ее красотой, я сделал все возможное, чтобы немедленно доставить ее во дворец.

Он берет меня за подбородок и разворачивает к ней лицом – так, чтобы свет падал на мои глаза: золотой свет – на золотые радужки.

Женщина ахает. Потом подходит поближе, и я смаргиваю слезинки с ресниц, стараясь достойно ответить на ее прямой взгляд.

– Ее глаза... – она переводит взгляд на генерала. – Вы уверены, что она из Бумажной касты? Не из Стальных?

– Уверяю вас, госпожа, в ней нет никакой крови, помимо

человеческой.

– Кто ее родители?

– Травники, хозяйева аптеки на западе Сяньцзо.

– Значит, у нее нет опыта придворной жизни.

Он качает головой.

– Это так, но она быстро учится. Вы только посмотрите, как она хороша даже сейчас, одетая в жалкое тряпье. Представляете, как она преобразится, если над ней хоть немного поработать? – Генерал понижает голос. – Госпожа, вы же знаете, как суеверен наш повелитель, как он ценит знаки и предзнаменования. Уверен, он с удовольствием примет в дар девушку, которая не только красива, но и служит живым символом удачи и доброй судьбы! Наверняка это порадует короля, учитывая тяжелые времена, которые нас всех ожидают... Полагаю, из нее получится великолепная Бумажная Девушка.

Госпожа Эйра не сводит с меня глаз.

– Леи, ты что скажешь? Ты готова начать жизнь Бумажной Девушки? – спрашивает она.

Генерал втайне от нее смотрит на меня тяжелым взглядом. Я вспоминаю его слова, сказанные мне в повозке: *Иначе их кровь будет на твоих руках*. К тому же, если я останусь здесь, во дворце, у меня появится шанс – пусть даже самый маленький, но все же шанс узнать, что случилось с мамой.

Так что я отвечаю единственно возможным образом:

– Да, госпожа.

И все же эти слова отдают ложью. Я чувствую привкус предательства на губах. Я сглатываю эту горечь, и госпожа Эйра улыбается, кладя руку мне на плечо.

— Благодарю, генерал, — говорит она. — Вы не ошиблись в своем решении привезти Леи сюда. Сейчас я представлю ее мадам Химуре. Надеюсь, она примет девушку не менее благосклонно, чем я. Мы доведем до сведения Короля, что Леи является вашим личным ему подарком.

Она кланяется генералу и ведет меня вглубь дома.

Перед тем, как она закрывает за нами дверь, я успеваю бросить на генерала последний взгляд через плечо. Его ухмылка сейчас шире, чем когда бы то ни было, глаза блестят победным блеском.

* * *

Госпожа Эйра приводит меня в маленькую комнату без окон и просит немного подождать. Я стою, не зная, куда себя девать. Одежда намокла от дождя, вода капает с нее на полированные доски пола. Я часто дышу, стараясь — хотя и безуспешно — успокоить бешеное сердцебиение. Все вокруг кажется мне нереальным, будто происходит не со мной. Даже долгая дорога не помогает поверить, что я, Леи, и правда нахожусь в королевском дворце, а где-то неподалеку — в одном из соседних зданий — меня ждет Король.

Я слышу громкие шаги по коридору — цоканье, сопровож-

даемое почти беззвучной ровной поступью госпожи Эйры. Раздвижные двери расходятся, и за ними появляется высокая и какая-то сгорбленная фигура – не совсем человеческая, слишком крупная, со слишком массивной шеей и спиной. Я с трудом сдерживаю возглас.

Женщина, очевидно, мадам Химура, – вовсе не человек. Она... Она – орлица!

Демоны-орлы – редчайший вид крылатых демонов. Большая часть их клана погибла во время Ночной Войны – почти все они состояли в армии Короля. Я еще никогда так близко не видела никого из птицедемонов – тем более чистокровного птицедемона из Лунной касты. Первое, что приковывает мое внимание, – это глаза мадам Химуры: два ярко-желтых полумесяца, наполовину прикрытых птичьими веками. Их пронзительный взгляд прошивает меня насквозь. Белые перья покрывают ее лицо вплоть до крючковатого клюва, к которому сходятся ее высокие скулы. Облик почти человеческий и притом... совершенно противоестественный. Серебристо-серая мантия оттеняет угольно-черное оперение, покрывающее ее тело.

– Итак, – произносит она. – Вот, значит, из-за чего столько шума.

Ее голос резок и пронзителен и больше похож на птичий крик. Она подходит ближе, и я вижу под подолом ее стопы – они заканчиваются длинными острыми когтями. Одной рукой, покрытой грубой кожей, – человеческой рукой в орли-

ном оперении – она опирается на трость с костяным набалдашником, но, несмотря на трость и сгорбленный силуэт, она выглядит необычайно сильной и энергичной, от нее исходят волны власти.

– Сколько тебе лет, девочка? – резко спрашивает она, моргая птичьими глазами.

– Сем... семнадцать.

– Когда ты родилась?

– В первый день Нового Года.

Она прищуривается.

– Под знаком быка, значит. Под знаком упрямца. И под новогодней золотой луной. Должно быть, луна и подарила твоим глазам этот цвет.

– Может быть, и луна, – говорю я, чувствуя, как щеки заливает жар. – Знаю точно, что это был не демон.

Перья ее сердито топорщатся. Только что оперение на руках было гладким – и вдруг руки превращаются в настоящие крылья, так резко приподнимаются перья на ее коже.

– Всякий, у кого есть хоть немного мозгов, ни на миг не усомнится, что ты насквозь бумажная, глупая девчонка. Даже твоя походка выдает служанку. Ни один демон не мог бы вести себя столь жалко. Кроме того, твою истинную сущность окончательно раскроет завтрашняя инспекция. От наших инспекторов ничего не спрятать, даже если ты пробовала прикрыть свое убожество заклинаниями. А теперь развернись! – рявкает она.

Я подчиняюсь, кожей чувствуя ее пристальный взгляд.

– Госпожа Эйра сказала, что у тебя нет никакого опыта придворной жизни. И никаких связей при дворе.

Я киваю.

Она резко подается ко мне и хватает меня за подбородок.

– Ты не должна отвечать своим начальницам жалкими мотаниями головой, девчонка! – Ее дыхание обжигает мне лицо. – Если я задаю тебе вопрос, изволь отвечать – «Да, мадам Химура» или «Нет, мадам Химура», ясно тебе?

– Да, мадам Химура.

– Ты владеешь какими-то умениями, кроме умения злить старших?

Я отвечаю чуть слышно:

– Да, мадам Химура. Я неплохая травница, еще умею прибираться в доме, еще...

– Травница? Уборщица? Ха! – она прерывает меня смехом, похожим на клетот. – Ты находишься при королевском дворе, девчонка. Твои умения здесь пристали разве что горничным и прислужницам. Владеешь ли ты какими-либо искусствами *нюй* – *женскими* искусствами, – которые тебе потребуются как Бумажной Девушке? Только они здесь и нужны. Разве цветок поливает себя сам? Конечно, нет. О нем заботятся садовники. Работа цветка в том, чтобы быть настолько прекрасным, насколько это возможно. Я правильно понимаю, что подобными искусствами ты не владеешь? – Она щелкает клювом. – Бесполезная девчонка.

Я стискиваю зубы, чтобы не нагрубить ей в ответ. Она пренебрежительно говорит об умениях, которым научили меня родители и Тянь. О том немногом, что осталось мне от мамы.

Женщина-орлица склоняет голову на плечо, перья ее слегка взъерошены.

– А, я вижу. Ты много о себе воображаешь. Думаешь, что ты выше этого. Думаешь, что успех у тебя в кармане. Посмотрим, как ты запоешь, когда начнутся занятия. Сама увидишь, насколько трудно овладеть пренебрегаемыми тобой искусствами. Что бы ты о себе ни думала, я вижу в тебе жажду. Желание доказать миру, на что ты годишься. Твоя энергия *ци* весьма сильна – может быть, даже слишком сильна. За тобой надо как следует присматривать, иначе ты будешь сжигать все, к чему прикоснешься. – И вдруг неожиданно она спрашивает: – Ты чиста?

Я удивленно поднимаю брови.

– В каком смысле – чиста?..

– В смысле секса. В тебя когда-нибудь входил мужчина?

Я вспыхиваю, опуская глаза.

– Н-нет.

Я стою потупившись и чувствую на себе ее взгляд. Что она видит во мне своими яркими орлиными глазами? Девочку, настолько испуганную, что она вынуждена сжимать кулаки, чтобы не дрожать слишком сильно? Или что-то глубже? Ту девушку, которой, по мнению генерала Ю и госпожи Эйры, я могла бы стать?

Проходит, по моим ощущениям, целая вечность – и наконец женщина-орел поворачивается к госпоже Эйре.

– Позовите Лилл, – приказывает она. – Пусть отмоет ее как следует и выдаст ей чистую одежду. Пока что достаточно будет простой *юкаты*.

Госпожа Эйра возвращается через пару минут, ведя за собой ту самую девочку из касты Стали, которая открывала нам с генералом двери. Девочка широко улыбается мне, но улыбка ее мгновенно угасает под взглядом мадам Химуры.

– Лилл, вымой и одень Леи, – приказывает она, – а потом приведи ее к остальным девушкам.

Не оглядываясь на нас, она быстро выходит из комнаты, цокая когтями по полу.

– Подождите! – кричу я ей вслед.

Мадам Химура резко разворачивается, и я съеживаюсь под ее орлиным взглядом.

– Извините, я только хотела спросить... Это значит, что я принята? Что теперь я – одна из Бумажных Девушек?

Мадам Химура хмурится.

– Надеюсь, на уроках ты не будешь подобным образом кричать на своих наставников, – бросает она и уходит.

Но госпожа Эйра улыбается мне доброй улыбкой.

– Да, Леи-чжи. Ты принята.

Глава шестая

Лилл, юная служанка, готовит ванну и, не умолкая, расспрашивает меня о прежней жизни. Из какой я провинции? Есть ли у меня братья и сестры? Какая у меня мама – такая же красивая, как я? Я не привыкла раздеваться перед чужими, но для Лилл происходящее порядке вещей. Она помогает мне снять одежду, погрузиться в ванну, растирает меня губкой, пахнувшей душистыми травами, расчесывает мне спутанные волосы. Ее болтовня помогает расслабиться. Она чем-то напоминает Тянь, только гораздо моложе и не такую сварливую.

Когда я наконец совершенно чиста и причесана, Лилл одевает меня в простую льняную *юкату* песочного цвета. Под грудью кимоно перехвачено широким поясом.

– А остальные девушки, – спрашиваю я, когда она отступает на шаг, чтобы проверить, насколько хорошо сидит на мне одежда. – Какие они?

– Тоже очень красивые, – улыбается Лилл. – Но, боюсь, они будут сильно ревновать. Никого из касты Бумаги боги не благословили такими прекрасными глазами, как у вас! – Она сгребает с пола мою грязную одежду. – Я это выкину, вы не против?

Благословили... благословение. Я привыкла то и дело слышать эти слова. И никогда они не казалось мне правдивыми

– особенно после того, что случилось с мамой. А теперь звучат и того хуже. Именно глаза – причина того, что меня оторвали от семьи, похитили из дома. Какое уж тут благословение! Скорее боги меня прокляли.

И тут я вспоминаю кое-что важное.

– погоди! – кричу я вслед служанке. Она изумленно оборачивается. Я выхватываю у нее свои штаны и шарю в карманах – и нахожу то, что нужно: вспышку золота, подвеску в форме яйца.

– О, это же ваш медальон со Дня Благословения! – восклицает Лилл, распахнув глаза.

Я киваю. Я никогда не расставалась с медальоном, носила его на шее, привыкла к его успокаивающему прикосновению к груди.

– А когда он должен открыться? – с любопытством спрашивает Лилл.

Губы пересыхают. Я надеваю цепочку на шею и опускаю золотое яичко за воротник.

– Уже через четыре месяца.

– Вот здорово! Может быть, там написано, что ваша судьба – это любовь! – восторженно восклицает девочка. – Любовь нашего великого Короля!

Она так искренне улыбается, что я невольно отвожу взгляд.

Мы с Лилл возвращаемся в дом. Полированные деревянные панели украшают коридор, все сверкает чистотой, кра-

сотой и изяществом. Даже воздух словно бы пахнет богатством и роскошью – в нем витают тонкие сладкие ароматы. Мой прежний дом был противоположностью этому месту, такой простой, полный земных, обычных запахов: запахов трав, корней, земли, дерева...

Запах дома. Моего родного дома.

Мы подходим к раздвижным дверям с изображением речного пейзажа. Лилл останавливается. Из-за дверей слышны раздраженные голоса.

– Девять девушек? – восклицает один из голосов – высокий и резкий. – Девять? Где такое слыхано? Восемь, только восемь! Нас всегда было восемь, такова традиция!

– Продолжай в том же духе, Блю, и я с удовольствием вышвырну тебя из группы, чтобы число оставалось правильным.

– Хотела бы увидеть, как вам это удастся, мадам Химура! Вы забыли, какое влияние при дворе имеет мой отец? Не думаю, что он позволит вам так просто мной распоряжаться.

– Кто это? – шепчу я.

– Госпожа Блю, – так же тихо отвечает Лилл. – Ее отец – один из немногих придворных из Бумажной касты. – Голоса за дверью стихают, и девочка спрашивает: – Вы готовы войти?

Я глубоко вздыхаю... и киваю.

Она ободряюще улыбается, раздвигает двери и с поклоном пропускает меня вперед со словами:

– Имею честь представить госпожу Леи-чжи!

Первым делом на меня накатывает запах. Аромат благо-
воний, поднимающийся от ароматических палочек, и неж-
ный запах чайных листьев. Служанки, одетые в кимоно и са-
ри пастельных тонов, плавно кружат у низкого столика, гра-
циозными движениями разливая чай по чашечкам. Если бы
такие покупательницы переступили порог нашей лавочки, я
была бы поражена их красотой и изяществом... Но тут при-
сутствуют те, кто их затмевает.

Те, кому они прислуживают.

Бумажные Девушки.

Восемь фигурок – совершенных, будто выточенных из
драгоценных камней – сидят на коленях вокруг стола в цен-
тре комнаты. Мой взгляд перелетает от одной к другой, от
одного яркого платья к другому. Вот девушка из южной про-
винции – у нее смуглая кожа цвета жженого сахара, на ней
ярко-оранжевая *кэбая*, волосы завязаны в высокий хвост на
затылке, перевитый нитями бус. Рядом сидит красавица с
холодным лицом и короткой стрижкой. С другой стороны
– хрупкая маленькая девушка в платье цвета голубоватого
льда. Напротив – очень милая веснушчатая малышка с яр-
ко-рыжими волосами, которая сразу же улыбается мне, хотя
улыбка выходит нервной. Рядом с ней – близнецы, худень-
кие, с идеально прямой осанкой, как две одинаковые куклы.
Их крохотные губки бантиком оттенены малиновым – под
цвет изящных платьев *ципао*.

Потом мой взгляд падает на девушку, которая отдыхает отдельно от группы. В отличие от остальных, она сидит в расслабленной позе, не на коленях, а слегка боком, вытянув стройные ноги. Ее юбка-*жуцонь* и блуза скроены из черной ткани, по которой бегут серебристые нити вышивки, напоминающей о звездах в ночном небе. Волнистые длинные волосы спадают почти до пояса.

Она – единственная, кто при моем появлении не оглядывается, чтобы посмотреть на меня. Только утомленно приподнимает одно плечо. Когда, наконец, она достаивает меня внимания, наши глаза встречаются – и ее взгляд словно пригвождает меня к месту, столько в нем напряжения. А потом ее глаза – миндалевидные и какие-то кошачьи – снова смотрят в сторону.

Я шумно выдыхаю – надо же, я и не заметила, что на пару мгновений забыла, как дышать!

– Значит, это она? Наша знаменитая и несравненная Девятая?

Это говорит девушка, чей голос я слышала из-за двери. Блю. Высокая, с узкими плечами и гладкими блестящими волосами цвета воронова крыла. Черты ее лица такие же резкие, как голос: острые скулы, похожие на обоюдоострый клинок, узкие глаза, чью форму подчеркивает черная тушь, особенно выделяющаяся на бледной коже. Глаза ее ярко сверкают. Она одета в изумрудно-зеленое платье с очень глубоким вырезом, открывающим ложбинку между грудями.

– Ну что же, – усмехается она, откидывая волосы на спину. – Если бы служанка тебя не представила, я бы легко перепутала тебя саму со служанкой! – Она звонко смеется, но ее смех резко обрывает пощечина мадам Химуры.

В комнате повисает тяжелая тишина.

Несмотря на то что женщина-орлица так сильно сутулится, она все равно кажется вдвое больше любой из нас. Грозной тенью она нависает над Блю.

– Я отлично помню, девочка, кто твой отец, – щелкает она клювом. – Когда тебя выбрали, он лично пришел ко мне и просил, чтобы тебе не делали никаких поблажек из-за его положения при дворе. Так что лучше оказывай мне положенное почтение, ради твоего же блага. – Она окидывает остальных грозным взглядом. – Ко всем прочим это тоже относится. Здесь не имеет значения ни ваше происхождение, ни благосостояние ваших семей. Мне неважно, выросли вы, купаясь в золоте или побираясь на улицах. Здесь все вы на одном и том же уровне, а я на несколько уровней выше. – Она машет рукой в мою сторону. – А теперь поприветствуйте Леичжи.

Девушки приветствуют меня поклонами. Голова Блю склоняется чуть ниже, чем остальные семь голов.

– Я уже изложила вам причину, по которой она здесь. Повторять я не собираюсь. Госпожа Эйра сейчас покажет вам комнаты, где вы будете спать, и приставит к каждой из вас личную горничную. Немного отдохните и ждите, когда я сно-

ва вас позову.

– Да, мадам Химура, – дружно звенят голоса девушек.

Я присоединяюсь. Оглянувшись через плечо, я замечаю, как Блю смотрит на меня темным и недружелюбным взглядом.

* * *

Госпожа Эйра провожает нас к спальням, которые находятся в северо-восточной части дома. По дороге она объясняет, что здание, в котором мы находимся, называется Бумажным Домом. Мы будем жить тут в течение года, пока несем службу королевских наложниц. Покои самой госпожи Эйры и мадам Химуры тоже находятся в Бумажном Доме, а также здесь расположена общая спальня горничных – и еще множество внутренних двориков, кухни, гостиные и комнаты для занятий. Бумажный Дом – это самое сердце Женского Двора, а его южные и западные корпуса примыкают к покоям придворных дам, ванным комнатам, чайным и гардеробным. А с севера и востока Бумажный Дом окружают сады.

Наши спальни расположены вдоль длинного коридора. Хотя в комнатах царит идеальная чистота и порядок, они выглядят не совсем так, как я ожидала. Обстановка тут самая простая: на полу – матрас, у стены – сундук для одежды, в небольшой нише стоят подставки для ароматических палочек и жаровня.

– Не очень-то у нас много личного пространства, – фыркает Блю, проводя наманикюренным ноготком по дверному косяку. Двери сделаны из рисовой бумаги, тонкой и пропускающей свет из коридора.

– Личного пространства здесь не предусмотрено, – отзывается госпожа Эйра. – Отныне ваши жизни принадлежат королевскому двору, девочки. И чем скорее вы это осознаете, тем лучше.

Голос у нее добрый и спокойный, но Блю все равно морщится.

– Это для того, чтобы мы не вздумали водить любовников? – шепотом спрашивает кто-то из девушек.

Вперед выступает веснушчатая девушка, которая приветствовала меня улыбкой. Она выглядит юной – младше всех присутствующих. Слишком юной, чтобы находиться здесь. У нее круглое личико и красивые зеленые глаза. Теперь, когда я вижу ее глаза вблизи, меня поражает их цвет – он в точности такой же, как у полей вокруг нашей деревни, когда они сверкают под солнцем после муссонных дождей. Я улыбаюсь ей в ответ на ту улыбку. В конце концов, хотя Блю и единственная, кто вслух не одобрил моего присутствия, от остальных девушек трудно ожидать восторга по поводу моего присутствия: я невольно стала их лишней соперницей в борьбе за благосклонность Короля.

Хотя я бы предпочла, чтобы нас было даже не девять, а, например, миллион. И чтобы у всех без исключения были

золотые глаза, как у меня.

– Наверное, – отвечаю я на предположение зеленоглазой.

– Не то чтобы я собиралась, – шепотом продолжает та. – У меня их никогда еще не было. Я имею в виду – любовников, а не собственных покоев, хотя дома и спальня у меня была общая с сестрами. А у тебя?

– Была ли у меня своя спальня?

– Нет же! Я про любовника, – хихикает та.

Я отрицательно качаю головой, и ее это почему-то ободряет.

– Вот здорово, а я боялась – вдруг я одна окажусь такая. Госпожа Эйра сказала, что я тут самая младшая. Мне пятнадцать. Вот я и думала, что, наверное, окажусь единственной в группе, у кого нет... гм... никакого опыта. – Она снова нервно хихикает. – Извини, я забыла представиться! Я – Аоки.

– А я – Леи.

– Да, про тебя я знаю. Ты же девятая, про тебя все слышали. – Она бросает быстрый взгляд на девушку с иссиня-черными волосами и добавляет: – Хотя, может, тебе и недолго оставаться девятой. Не знаю, как долго *она* тут продержится, если продолжит так запросто грубить мадам Химуре. И не скажу, что я огорчусь, если ее выгонят.

Я фыркаю, но быстро обрываю смех, когда Блю сердито оглядывается на нас.

Мадам Эйра по очереди разводит нас по спальням и велит

оставаться в них в ожидании наших горничных. Моя комната – в самом конце коридора, напротив спальни Аоки. Я с тяжелым сердцем переступаю порог, а рыжая девочка радостно вбегает в свою комнату.

– Я ужасно волнуюсь! Наверняка сегодня не смогу уснуть! – возбужденно говорит она мне от своей двери. – Как же все это замечательно, правда?

– Э-э... – я не знаю, что сказать, и стараюсь растянуть губы в улыбке. Но улыбка тут же тает, стоит мне закрыть за собой дверь. Я стою в центре комнаты. Она выглядит ровно так, как я себя чувствую: голой, лишенной почти всего. Я медленно обхожу спальню по периметру, ведя рукой по стене. Дома, в нашей лавочке, я знала на ощупь каждую мелочь, каждый след от сучка на деревянной стенной панели. У каждой трещинки, пятнышка, неровности была своя история, связанное с ней воспоминание. Наш дом был подобен книге, по которой можно прочесть все о моем детстве. А эта комната совершенно пуста и безлика. Страница, на которой не написано ни слова.

Дверь приоткрывается – и я подпрыгиваю от неожиданности. В спальню врывается Лилл.

– Госпожа Эйра назначила меня вашей горничной, госпожа! – восторженно выпаливает она. – Как раз не хватало одной, а я ведь целый год ждала повышения из служанок!

Я не могу сдержать улыбки.

– Тогда давай я тебе поклонюсь и поздравлю тебя с повы-

шением, — я низко кланяюсь, касаясь лбом пола. — Чем могу служить, госпожа Лилл?

Девочка безудержно хихикает.

— Ой, госпожа, пожалуйста, не шутите так! Если мадам Химура заметит, ее хватит удар!

Я приподнимаю бровь.

— Ты уверена? Тем больше причин так шутить!

Пока Лилл помогает мне переодеться на ночь, я понимаю, что страх и напряжение немного отступили, давая место другим чувствам. Я и представить не могла, что здесь будет можно найти друзей, однако Лилл, Аоки и даже госпожа Эйра неожиданно дали мне надежду на то, что все может оказаться не так уж плохо.

По дороге во дворец я приготовилась к скорби. К слезам. К тому, что мне придется делать то, чего я не хочу — хуже того, чего я боюсь. К боли, к тоске по дому. Я готовилась только к плохому, представляла все самое ужасное, что может ждать меня во дворце.

А вот к доброте я оказалась не готова.

Но все равно доброта новых знакомых, шутки с Аоки и Лилл ощущаются какими-то глубоко неправильными, как... как худший вариант предательства.

Этой ночью я ложусь в постель, ощущая кожей непривычную прохладу шелковых простыней, и прижимаю к груди свой медальон Дня Благословения. Это единственное, что осталось у меня от дома, от прежней жизни. К глазам подсту-

пают слезы, и я зажмуриваюсь, чтобы их сморгнуть. И пытаюсь представить себе, что делают сейчас папа и Тянь, как они справляются без меня. Внутри что-то болит и ломается. Само это слово – «дом» – отзывается болью, как тупой кинжал, вонзившийся в живот.

Слово «Дом» – это песня. Зов, на который я больше не могу ответить.

– Скоро вы привыкнете, госпожа, – сказала Лилл, оставляя меня на ночь. – К тому времени, как откроется ваша подвеска, вы уже сами будете знать свою судьбу.

Но я не могу отделаться от ощущения, что моя судьба теперь принадлежит кому угодно, кроме меня самой.

Глава седьмая

Когда звучит утренний гонг, я уже довольно давно не сплю. Мне снова снилась мама. Тот день, когда ее забрали демоны. Так странно проснуться здесь, вдали от дома, в месте, куда, возможно, когда-то привезли и ее! Не знаю почему, но мне кажется, что я чувствую тень ее присутствия. Оно похоже на отзвук сердцебиения: каждый шаг отдается мыслью, что этих же половиц могли касаться ее стопы. Вид из окна вызывает ощущение, что она тоже могла это видеть. Пока я здесь, во дворце, непременно нужно найти способ узнать, что с ней случилось! Даже если это единственная польза от моего присутствия здесь – тем больше причин использовать шанс. Еще на шаг приблизиться к правде. Как это было бы хорошо – быть оторванной от одного из родителей для того, чтобы отыскать другого на противоположном краю света!

За окном встает солнце, и последние капли ночного дождя быстро высыхают под его лучами. Мое окно выходит на северо-западную часть Женского Двора. Я ожидала увидеть маленькие садики, о которых упоминала госпожа Эйра, но при свете дня вижу огромный парк с деревьями, прудами, покрытыми цветами лужайками, покатыми холмами, изящными садами камней. Между деревьями видны изогнутые крыши пагод, похожие на крылья. Парк простирается так далеко, что я едва могу различить дворцовые стены, однако

они все равно притягивают мой взгляд — сплошная линия черного камня, словно нарисованная быстрыми, сердитыми ударами кисти.

В воздух взмывает птичья стая. Я слежу за ее полетом над деревьями, пока птицы не исчезают в небе за стенами двorca.

Я отворачиваюсь от окна. Неважно, насколько красива золоченая клетка — она все равно остается клеткой. Тюрьмой.

Слышится деликатный стук в дверь. Входит Лилл — куда более восторженная и радостная, чем это нормально для раннего утра.

— Доброе утро, госпожа! — восклицает она с порога. — Хорошо ли вам спалось?

— Да, хорошо, — лгу я в ответ.

Она сияет улыбкой.

— Прекрасно! Потому что вас ожидает очень хлопотливый день! — Она берет меня за руку и тянет за собой из комнаты. — Нам нужно успеть подготовиться.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, идя за ней по коридору.

— В бани Женского Двора, госпожа, — отвечает она.

— Э-э... Но я принимала ванну вчера вечером. Думаешь, за время ночного сна я успела испачкаться?

Она качает головой.

— Таково правило. Бумажные Девушки должны принимать ванну каждое утро. Госпожа Эйра говорит, что это важный символ очищения на грядущий день. Чтобы избавиться

от негативной энергии *ци*, которая могла остаться от дурных сновидений.

– Для этого мне не хватило бы и целого озера, – шепчу я себе под нос.

Мы заворачиваем за угол, и меня обдает волной теплого воздуха. Я заслоняюсь рукой от солнца. Мы входим в круглый крытый двор, уставленный глубокими деревянными ваннами. Двор окружен живой изгородью из густого бамбука. Я чувствую запах розовой воды, масла иланг-иланга, морских водорослей. Некоторые ванны уже заняты девушками. Большинство погружено в воду по шею, но от каждого движения сквозь воду видны всполохи наготы, которая притягивает мой взгляд – вот обнаженная грудь, вот изгиб крутого бедра... К щекам приливает волна жара.

К счастью, Лилл ведет меня к самой дальней ванне, полускрытой от прочих облаками пара. Я раздеваюсь, и она помогает мне забраться в воду.

– Не волнуйтесь, – смеется она, когда я вынырываю из горячей воды, отдуваясь и часто моргая. – Вы привыкнете.

После ванны мы снова возвращаемся в мою комнату, и Лилл сушит мне волосы хлопковым полотенцем. А потом одевает меня в простое однотонное кимоно – темно-синее, как ночное небо. Она опускается на колени и помогает обуть башмачки – легкие, из тонкой ткани, больше похожие на носочки – такую обувь носят все женщины во дворце. Она уже заканчивает меня обувать, когда из-за двери слышится цо-

канье когтей по дощатому полу.

– Поторопись! – зовет из коридора мадам Химура. – Все уже ждут!

Лилл посылает мне последний ободряющий взгляд – и я, вскинув голову, выхожу в коридор... и немедленно спотыкаюсь о порог. Хватаюсь за дверной косяк, чтобы удержаться на ногах.

Девушки хихикают. Мадам Химура молча смотрит на меня.

– Это все... туфельки, – выдыхаю я, выпрямляясь. – Я к ним не привыкла.

– Еще бы, когда тебе было привыкнуть? – холодно отзывается мадам Химура – и со вздохом отворачивается, жестом приказывая нам следовать за ней. И шагает вперед, не дожидаясь нас. Даже стук ее трости по полу кажется неодобрительным.

Аоки быстро подходит ко мне и семенит рядом, подхватив под руку.

– Мне тоже ужасно неудобно в этой обуви, – шепчет она мне на ухо.

Большинство девушек уже проследовало за мадам, и только две медлят – это Блю и та самая девушка с замкнутым и гордым лицом и кошачьими глазами. Глаза девушки-кошки на миг встречаются с моими. Я не могу понять, что говорит ее взгляд, но кровь в жилах словно начинает течь быстрее, как будто тело прошивает разряд тока, и это, кажется, гнев.

Я отвожу глаза, чувствуя, как горит лицо.

Девушка-кошка уходит вслед за прочими, и Блю, поравнявшись со мной, бросает мне через плечо:

– Знаешь, я передумала. Хорошо, что ты здесь среди нас, Девятая. – Ее голос звучит гладко, как шелк, но под шелком таится яд. – Ты прекрасно нас всех оттеняешь. В твоём присутствии даже крошка Аоки выглядит грациозной.

С этими словами, коротко рассмеявшись, она уходит.

* * *

Нас приводят в ту же самую приемную, где мы были вчера. Раздвижные двери широко открыты, впуская золотой солнечный свет и шум садовой листвы на ветру.

Мадам Химура приглашает нас внутрь и без каких-либо объяснений уходит. Мы сидим и ждем, пока цокот ее когтей по полу не затихает вдали, после чего дружно заговариваем – конечно же, о предстоящих испытаниях.

– Хотела бы я знать, в чем они будут заключаться, – вздыхает Аоки, прикусывая нижнюю губу. – Надеюсь, что не будет всяких... телесных осмотров. А то у меня есть несколько шрамов. Леи, как ты думаешь, меня не отошлют обратно, если найдут шрамы? – ее глаза наполняются слезами. – Как будет ужасно, если меня вышвырнут раньше, чем я хотя бы увижу Короля!

Я беру ее руку и ласково пожимаю.

– Ну что ты, что ты! Все будет хорошо, Аоки. Тебя ведь уже выбрали в Бумажные Девушки. Значит, ты полностью подходишь.

– Но вдруг я сделаю что-то не так, и они изменят мнение? Вдруг они сравнят меня с остальными и поймут, что выбрать меня было ошибкой... Вдруг...

– Расскажи, как происходит процесс избрания, – перебиваю я ее. – В чем он заключается?

Аоки умолкает и недоуменно моргает.

– Так значит, ты... ты и правда не проходила всех этих процедур?

– Нет, конечно. Моя деревня очень далеко от королевской провинции и не принимает ни в чем участия. Просто мы живем... на отшибе.

Я предпочитаю не добавлять подробностей к своим объяснениям. Не упоминать, что мы просто не желаем иметь ничего общего с Королем и его двором. Что нам совершенно не хочется ничего знать о Короле, пока он нас не трогает.

Глаза Аоки расширяются.

– А я думала, в этих церемониях принимают участие все провинции! – она раздражается долгой тирадой о процедуре выбора Бумажных Девушек – и ее, кажется, немного отпускает. Пока она говорит, то не так сильно волнуется.

Аоки рассказывает, что церемония избрания начинается каждый год в первый день шестого месяца. Она разделена на две половины. Первая часть длится около месяца: семьям

предлагают представить своих дочерей – которые должны происходить только из Бумажной касты и быть не моложе пятнадцати лет – придворным распорядителям провинции. Задача распорядителей – отобрать кандидаток с учетом их родословной, социального положения и владения искусствами *нью*, а также, разумеется, внешности. По всему королевству также рассылаются разведчики, призванные подыскивать подходящих кандидаток из семей, которые не хотят сами представлять девушек на суд распорядителей. Удивительно, сколь многие из Бумажных Девушек были отобраны именно таким путем – хотя, может быть, и не очень удивительно. Большинство Бумажных кланов не слишком любит Короля и не ищет способов выслужиться.

На исходе месяца распорядители составляют списки рекомендованных кандидаток, из которых выбирается сотня девушек. Этот список, в свою очередь, представляют Королю, и он вычеркивает тех, кто, по какой-либо причине, ему не подходит. А имена тех, кто кажется ему достойными, напротив, подчеркивает. В результате остается тридцать девушек, которых приглашают ко двору для финальных смотрин.

Аоки рассказывает, что ее родители – простые крестьяне, выращивающие рис на окраинах провинции Шому. Смотрины при дворе стали ее первым путешествием, когда она оставила родительский дом и свою деревню.

– Я была сама не своя – может, поэтому меня и выбрали! Я ведь обычно много болтаю, а тут была совсем тихая, и, на-

верное, они подумали, что это признак сдержанности и достоинства. Но на самом деле я просто все время сжимала зубы, чтобы меня не стошнило от страха! – Голос ее становится серьезным. – У меня дома никто поверить не мог, когда, в конце концов, нам пришло письмо о том, что я принята. Письмо с печатью самого Короля! Да что там, я до сих пор не могу в это поверить, – выдыхает она. – Все жду – вот кто-нибудь войдет и скажет, что это ошибка, и мне тут не место.

– Глупости, – твердо говорю я. – Тебе тут самое место, ты этого заслуживаешь. Как и остальные избранницы.

Девочка благодарно улыбается.

– И ты тоже, Леи! Ты даже больше прочих этого заслуживаешь – видишь, какое для тебя сделали исключение!

И, несмотря на то, что меня тошнит от себя самой за такие мысли, я чувствую себя польщенной.

Снова стук когтей. Дверь открывается, и служанка объявляет, что к нам пожаловала мадам Химура. Мы мгновенно замолкаем.

Мадам Химура раздраженно машет рукой.

– Блю! Ты идешь первой.

Блю поднимается с выражением превосходства на лице. «Конечно, я и должна во всем быть первой», написано на нем.

Мы с Аоки переглядываемся, борясь с подступившим смехом.

Я думала, инспекция не будет долгой, и мадам Химура

вот-вот вернется за следующей девушкой, но проходит два часа, а ее все нет. Наконец вызывают вторую девушку – и снова два часа ожидания. Служанки приносят нам обед, и я набрасываюсь на него, как волчица, глотаю, почти не жуя. Последний раз я нормально ела ужасно давно, но дело не только в этом. Дворцовая еда исключительно вкусна. Нам принесли чашечки кокосового риса, нарезанные кусочками манго и перчики, маринованного угря, *кеббе* с острым соусом, угольную рыбу с орешками – и еще много разных блюд, которых я раньше никогда не пробовала.

К вечеру в комнате ожидания нас остается двое – я и девушка с кошачьим взглядом.

– Лучшее оставляют на закуску, верно? – пытаюсь я пошутить, обращаясь к ней.

Она моргает, бросает на меня взгляд – и снова молча отворачивается. На меня накатывает жар гнева, под которым что-то скрывается... да, жажда ее внимания. Не знаю, почему, но мне хочется, чтобы она на меня посмотрела, поговорила со мной.

Я злюсь на себя за такие глупости. Усилием воли отвожу взгляд, уставившись на поднос с чаем и рисовыми шариками *моти*. Я хватаю с подноса один шарик – и от неловкого движения блюдо сладостей переворачивается, шарики раскатываются по полу.

Девушка-кошка рядом со мной фыркает от смеха.

Я скидываю на нее глаза. Наконец-то она смотрит на ме-

ня, приподняв свои идеальные брови, и улыбается уголками губ. А потом, будто спохватившись, снова придает лицу непроницаемое выражение.

– Должно быть, здешние палочки для еды отличаются от тех, что приняты в Сяньцзо, – говорит она холодным голосом.

Ее голос я слышу впервые. Он ниже, чем я ожидала, и чуть хриловатый. В нем слышатся интонации, выдающие аристократку: подъем на гласных звуках, четкое произношение.

– Да, – бормочу я чуть слышно. – У нас другие палочки. Такие, которые удобно воткнуть в глаз любому, кто над тобой изде...

Глаза ее широко распахиваются.

– Что-что?

– Ничего! – огрызаюсь я.

К счастью, в следующую секунду открывается дверь, и мадам Химура вызывает мою собеседницу на инспекцию.

Через два часа, наконец, наступает моя очередь. Мадам Химура отводит меня в маленькую комнату, посреди которой стоит странный уродливый стол.

– Доктор Уо, – окликает мадам высокое существо, которое стоит у стола.

Я понимаю его природу по запаху раньше, чем он оборачивается ко мне. Острый животный мускусный запах. Демон-кабан. Он смотрит на меня черными маленькими глаз-

ками, на поросшем бурой, местами седой щетиной рыле рядом со ртом торчат два клыка.

– Это Леи-чжи, – указывает на меня мадам Химура. – Та самая девушка, которую привезли позже. Она не проходит официальную церемонию избрания, так что, пожалуйста, осмотрите ее еще тщательнее, чем остальных.

Она отходит в сторону, к низкому столику, и служанка спешит налить ей чаю.

Огромные ноздри на пятаке доктора слегка раздуваются.

– Конечно, мадам.

Он нагибается ко мне, внимательно вглядываясь, и я сжимаю зубы, противясь желанию отшатнуться. А потом – раньше, чем я успеваю понять, что происходит, – он развязывает мой пояс.

– Что... что вы делаете? – выдыхаю я. Воспоминание о прикосновении чешуйчатых лап Сита пронизывает меня насквозь, и я невольно пытаюсь запахнуть полы одежды.

– Не мешай доктору, девочка, – недовольно каркает мадам Химура. – Дай ему как следует тебя осмотреть.

– Но...

– Эйприкот! Иди и помоги.

Служанка подскакивает с места и бросается ко мне. Ее руки ласково обвивают мои запястья.

– Прошу вас, госпожа, – шепчет она чуть слышно. – Просто потерпите, скоро все кончится.

Но я не могу перестать бороться, вырываюсь, пока меня

раздевают догола. Сперва одежда, потом белье. Наконец я остаюсь совершенно обнаженной и пытаюсь прикрыться руками, глаза мои горят от слез.

– Ложись на стол, – приказывает доктор.

Низко опустив голову, я подчиняюсь.

– Подержи ее, – бросает он служанке, и та прижимает мои руки к столу, хотя это совершенно не обязательно – я и так лежу спокойно, неважно, что руки доктора ощупывают меня в самых интимных местах. В ушах во время осмотра звенят слова госпожи Эйры: *«Отныне ваши жизни принадлежат королевскому двору... И чем скорее вы это осознаете, тем лучше»*.

Похоже, на столе доктора я по-настоящему начинаю это осознавать.

Прочие части инспекции сливаются в сплошное мелькание. Предсказатель судьбы копается в моем будущем. Придворный астролог составляет гороскоп. Имперский шаман проверяет меня на предмет магии, которую я предположительно могла использовать, чтобы улучшить свою внешность. Потом следует еще один осмотр у доктора – на этот раз эксперта по энергии *ци*, который, к счастью, не требует от меня раздеться догола.

В свою комнату я возвращаюсь только после полуночи – и с изумлением обнаруживаю, что Лилл преданно меня ждет и не ложится спать. При виде меня она восторженно подскакивает.

– Госпожа, наконец-то! Я так волновалась!

– Что-то случилось?

Лилл опускает голову.

– Я думала, вы слышали, как и все остальные. Госпожа... одна из кандидаток не вернулась с инспекции. Похоже, она наложила на себя заклятие, чтобы попасть в число избранных, и имперский шаман его обнаружил. – Дрожащим голосом она добавляет: – Вы пропали так надолго, что я испугалась – вдруг и с вами что-то... пошло не так.

Я качаю головой.

– Все в порядке, просто меня инспектировали чуть дольше, я ведь не проходила церемонии выборов.

Я тут же думаю об Аоки. И о девушке-кошке. Что, если...

– Кто из девушек не вернулся?

– Госпожа Жюэ, – отвечает Лилл. – Та, что из провинции Китори. Она была такая милая.

Смазанное воспоминание вчерашнего вечера: миниатюрная девушка в бледно-голубом кимоно, сидящая на коленях у чайного столика. В животе у меня словно что-то переворачивается.

Я ведь даже не успела с ней словом перемолвиться.

– И что... с ней за это сделали? – спрашиваю я тихо, не уверенная, что и впрямь хочу знать ответ.

– Ничего хорошего, – так же тихо отзывается Лилл. Глаза ее странно блестят.

Больше мы с моей горничной никогда не говорили о Жюэ

из провинции Китори.

Глава восьмая

Я надеялась, что Блю перестанет называть меня Девятой хотя бы теперь, когда нас снова традиционно восемь, однако при встрече следующим утром Блю первым делом окликает меня этим обидным прозвищем.

– Девятая, ты меня просто разоряешь, – медовым голосом произносит она, едва я вхожу в дворцовые бани. – Я ведь поспорила, что ты первой отсюда вылетишь.

Я замираю, но Лилл тянет меня за рукав.

– Госпожа, просто не обращайтесь на нее внимания, – шепчет она и пытается увести меня к свободной ванне, но я не двигаюсь с места.

Блю лежит в ванне на спине, вытянув руки вдоль тела. Груды ее всплыли на поверхность и торчат из воды. Я не хочу смотреть на них, но не могу оторвать глаз: они такие красивые, небольшие, совершенной формы, с розовыми выступающими сосками, которые кажутся острыми. Впрочем, Блю вся какая-то острая, состоящая из сплошных углов.

Да, и ум у нее такой же острый... и очень острый язык.

Я встречаюсь с ней взглядом, прищуриваюсь.

– Надеюсь, ты проиграла не слишком много. Потому что, судя по словам мадам Химуры, твой отец не очень-то собирается помогать тебе выплачивать долги.

Болтовня и смех, только что звеневшие в банном дворе,

мигом утихают. Единственные звуки – это щебет птиц, гнездящихся в зарослях живой изгороди, и плеск воды, потому что девушки садятся в своих ваннах, желая посмотреть, что происходит.

Блю кривит губы.

– Не пытайся делать вид, что тебе хоть что-нибудь известно о моей жизни, Девятая. Откуда бы дочке мелкого лавочника из Сяньцзо знать о моей семье? Особенно дочке лавочника, чья жена сбежала из дома, чтобы стать шлюхой?

Я отшатываюсь от ее слов, как от пощечины.

– *Что* ты сказала?

– Ничего особенного. Слухи во дворце распространяются быстро. Привыкай.

Блю поднимается из ванны, словно забыв, что она совершенно голая. Впрочем, нет – не забыв: отлично осознавая, что она голая. Блю демонстрирует свою наготу с гордостью, глядя на меня с презрением, словно ждет, что я застесняюсь и отведу взгляд.

– Жаль, конечно, что твоя мамаша не может сейчас тебя видеть, – цедит она сквозь зубы. – Она бы гордилась, что дочка пошла по ее стопам, только куда лучше устроилась.

Сама того не осознавая, я бросаюсь на нее, рыча от ярости. Пальцы скрючиваются, превращаясь в подобие когтей, я почти успеваю ее достать, вцепиться ей в лицо, как вдруг пара сильных рук оттаскивает меня прочь и удерживает на месте.

– Пусти! – кричу я, пытаюсь вырваться, но та, что меня держит, куда сильнее. Ее кожа пахнет чем-то свежим и нежным, может быть, морем. Я тут же понимаю, кто меня схватил.

Девушка-кошка.

Лицо Блю, на котором на мгновение проступила паника, снова становится спокойным и насмешливым.

– Превосходно. Отличные манеры для одной из Бумажных Девушек, Девятая.

– Хватит, – обрывает ее девушка-кошка. У нее низкий, громкий голос, будто созданный отдавать приказы. – Перестаньте обе, пока вас не услышали мадам Химура или госпожа Эйра.

Я жду, что Блю будет спорить, среагирует на тон девушки-кошки, – но она просто пожимает плечами.

– Ты права. Незачем тратить время наших наставниц на такие мелочи.

Руки снова сжимаются в кулаки.

– Ничего себе мелочи! Ты обозвала шлюхой мою мать!

Блю поворачивается ко мне, но девушка-кошка обрывает ее:

– Блю! Прекрати.

Блю резким движением подхватывает банный халат, который ей уже протягивает горничная, и молча уходит, оставляя за собой мокрые следы.

Наконец девушка-кошка отпускает меня.

– Не нужно было мне мешать! – огрызаюсь я. – Она заслужила, чтобы я ей глаза выцарапала!

– Возможно, – отзывается она холодно и разворачивается, чтобы уйти, и вдруг добавляет: – Мне просто надоела ее ухмылка.

Я смотрю ей в спину, пока она уходит. Мокрые волосы спадают до самой талии, темные и волнистые, похожие на шелковую завесу. Банный халатик сполз с одного плеча, открывая миндально-белую гладкую кожу. Я прозвала ее про себя девушкой-кошкой за форму глаз, за кошачий независимый ум, который светится в ее взгляде, но и движения ее полны кошачьей грации. Я не могу оторвать глаз от ее покачивающихся бедер.

– Госпожа! – ко мне подскакивает Лилл и хватается за руку. – Вы в порядке?

– Кто эта девушка? – спрашиваю я растерянно.

Она следит за моим взглядом, и отвечает:

– Вы про госпожу Майну? Я думала, вы о ней уже слышали!

– С чего бы? – я поднимаю бровь.

– Она – дочь главы клана Ханно, все о ней знают.

Я вспоминаю двух высоких царственных всадников в голубых плащах, которые встретились нам по дороге во дворец. Неудивительно, что даже Блю слушается девушку-кошку! Если она из клана Ханно – да еще и дочь их главы, – понятно, почему она тут всеми командует.

– Майна, – шепчу я себе под нос, словно пробуя имя на вкус. Оно кажется странным, слишком мягким. Майна – это ведь небольшая птичка с громким голосом, у нас в Сяньцзо их множество. Они даже не очень яркие – коричневые перья, желтый носик... Такое имя совсем не подходит молчаливой, сильной и яркой девушке, больше похожей на дикую кошку, которая охотится за такими пичугами.

* * *

После завтрака госпожа Эйра зовет нас на первый урок. Лилл старательно готовит меня к выходу. Она расчесывает мне волосы и затягивает их в аккуратный двойной пучок, облачает меня в золотистый *жуцюнь* – запахивающееся платье с широкими рукавами в складку и юбкой до пола, перехваченное на талии длинным поясом со свешивающимися спереди концами.

– Лилл, зачем все это? – недоумеваю я. – Я ведь даже из дома выходить не собираюсь! – Я удивленно наблюдаю, как моя горничная несколько минут разглаживает бант на поясе. – Мне обязательно выглядеть настолько идеально?

Она вскидывает на меня глаза, тон ее внезапно становится непреклонным.

– Госпожа, вы теперь Бумажная Девушка. Никогда нельзя знать наверняка, что вас сегодня ждет. С кем вы можете встретиться, кто будет оценивать ваш внешний вид. Вам

важно добиться расположения придворных, если хотите найти путь к сердцу Короля-Демона, – с улыбкой добавляет она.

– Можно подумать, что у него есть сердце, – шепчу я себе под нос, стараясь, чтобы Лилл не расслышала.

Когда я наконец являюсь в покои госпожи Эйры, остальные девушки уже там. Они сидят на коленях вокруг низкого столика, на котором стоит жаровня. На жаровне кипит чайник. Стены покоев задрапированы красивыми тканями – шелком, бархатом, вышитым атласом, и все эти полотнища слегка колышутся под легким ветерком, проникающим в открытые двери в дальней части комнаты. Я замечаю за дверями зелень небольшого внутреннего сада, пронизанную нежным утренним светом.

– Леи-чжи, как ты прекрасно сегодня выглядишь! – улыбается мне госпожа Эйра и указывает на место у стола рядом с Аоки. – Хочешь немного ячменного чая? Я добавила в него некоторые особенные травы. Я понимаю, что вы, девушки, во время вчерашней инспекции перенервничали, а этот чай обладает успокаивающим эффектом.

Я тоже присаживаюсь на колени, следя за тем, чтобы не помять подол своего прекрасного платья. И у меня вырывается смешок. Всего несколько дней назад я сидела в бочонке и драила его изнутри от жирных пятен, и меньше всего на свете думала об этикете и хороших манерах!

Госпожа Эйра поднимает бровь.

– Что тебя так рассмешило?

– О, ничего особенного, – выдавливаю я, стараясь не расхохотаться. – Просто... просто вспомнилось одно событие из недавнего прошлого.

Я чувствую движение среди девушек. Должно быть, они подумали о безобразной сцене в банном дворе. Но я меньше всего на свете хочу, чтобы рассказы об этом дошли до слуха госпожи Эйры! Сомневаюсь, что умение драться входит в список необходимых для Бумажной Девушки искусств. *Эй, Король, оцените! Посмотрите, как я отлично выполняю удар ногой с разворотом!*

– Я... все время спотыкаюсь из-за новых туфель, – выпаливаю я первое, что приходит мне в голову.

Госпожа Эйра понимающе кивает.

– Это не страшно. В свое время мне тоже понадобилось несколько недель, чтобы привыкнуть к этой обуви. Не знаю, девушки, кто из вас в курсе моего происхождения, – большинство из вас происходит из аристократических семей. Вы с детства приучены к придворной жизни. Но я провела свои ранние годы иначе – в красильне моего отца, где красили ткани для кимоно. Когда я впервые попала во дворец, я была немногим грациознее утки, напившейся *sake*.

– Кто бы мог подумать, – говорит Блю своим обычным шелковым и одновременно ядовитым голосом. – А отец говорил мне, что вы в свое время были любимой наложницей Короля!

Аоки кашляет, хотя ее кашель больше похож на фырка-

нье. Бросив на Аоки уничтожающий взгляд, Блю продолжает:

– Разве не лично Король назначил вас наставницей Бумажных Девушек, чтобы мы могли научиться быть столь же изящными и искусными во всем, как вы?

– Не уверена, что стоит подражать мне *во всем*, – с легким смехом отзывается госпожа Эйра. – Однако важно понимать, что мое преобразование стоило мне немалого труда, и я готова поделиться с вами опытом. Возможно, именно поэтому я так серьезно воспринимаю работу наставницы. Каково бы ни было прошлое любой из вас, здесь и сейчас вам всем придется начать с нуля. Мы с мадам Химурой составили для вас расписание уроков. Уже в следующем году вас заменит другая группа девушек, но вы в любом случае останетесь при дворе и будете выполнять здесь какую-нибудь работу, поэтому для вас особенно важно как можно лучше овладеть искусствами *нюй*.

Одна из девушек спрашивает:

– Простите, а у нас будет свободное время? Моя кузина работает во дворце, в Городском Дворе, я обещала родителям, что постараюсь ее навестить.

Эту девушку зовут Ченна. Она смуглая, в тот вечер, когда мы встретились, она была одета в оранжевую *кэбая*. А сегодня на ней желтое сари, оттеняющее чайный цвет ее кожи и угольную черноту блестящих глаз.

– У вас будет немного времени на отдых в промежутках

между уроками и придворными мероприятиями, – кивает госпожа Эйра. – Но для вас чрезвычайно важно понимать, что свободного времени в вашем понимании – времени, которое вы можете потратить на себя – у вас отныне нет и не будет. Вы не должны по собственной воле покидать Женский Двор, это недопустимо. – Голос ее снова смягчается, она изящным движением опускает ладони на столик. – Поймите меня правильно. В качестве Бумажных Девушек вы можете жить вполне счастливо, уверяю вас. Но теперь вы – части огромного механизма дворцовой жизни. Мы все здесь обязаны играть предназначенные нам роли.

Она начинает читать нам лекцию о некоторых – о, боги, каких же многочисленных! – дворцовых правилах и законах. В их число входят мелочи, о которых мне бы не пришло в голову задуматься: о глубине поклона при встрече с разными дворцовыми служителями, о скорости, с которой прилично передвигаться в разных частях дворца...

– Еще немного, и она начнет нас учить, с какой скоростью и в каких позах нам следует испражняться, – шепчу я на ухо Аоки – и та с трудом сдерживает смех.

* * *

После первого урока мы идем обедать. За столом мы непринужденно болтаем, а служанки едва успевают наполнять наши тарелки и бокалы. Похоже, ячменный чай госпо-

жи Эйры и вправду действует, потому что я наконец перестаю нервничать и по-настоящему расслабляюсь.

Это мой первый шанс приглядеться к остальным девушкам, познакомиться с ними. Кроме уже известных мне Аоки, Блю и Майны тут есть Ченна родом из Уадзу, столицы южной провинции Цзяны: она – единственная дочь богатого владельца шахт. Она мне сразу понравилась. Ченна кажется немного замкнутой, но вовсе не застенчивой, и очень честной и прямой. Кто-то из девушек спросил ее, скучает ли она по своей семье, по дому, и она без промедления ответила: «Да, конечно!»

Близнецов зовут Чжэнь и Чжинь. Их точеные черты и алебастровая кожа настолько похожи, что вряд ли я скоро научусь их различать. Я слышала их рассказ о своей семье – они назвали Ченне фамилию важных аристократов из Хана, и по реакции Ченны я сразу поняла, что это известный и древний род. Неудивительно – аристократических семейств из Бумажной касты так мало, что их имена на слуху. В основном высокие посты занимают представители Луны, даже членов касты Стали там мало, они в основном заняты торговлей и промышленностью. Что же до нас, Бумажных, – на нашу долю остается самая грубая работа. Мы – крестьяне, прислужники, ремесленники. Но порой даже наша каста пробирается почти на самый верх: семья Чжэнь и Чжинь, семьи Блю и Майны тому подтверждение. Но это исключение, а не правило.

И все равно всем понятно, что как бы высоко ни поднялось человеческое семейство, демоны по определению стоят выше.

Последняя в нашей группе – Марико, девушка с пышными формами, полными губами и нежным овалом лица. У нее довольно короткая стрижка – симметричные волны каре обрамляют лицо, как два крыла. Похоже, Марико и Блю успели подружиться: они часто склоняются друг к другу и перешептываются, а порой дружно бросают на меня через стол презрительные взгляды. Меня это настолько утомило, что в следующий раз, когда я встречаю их взгляд, то отвечаю им сияющей улыбкой и машу рукой.

Девушки дружно фыркают.

Я оборачиваюсь и встречаю взгляд Майны, у нее веселые глаза, горящие интересом. Но как только она замечает, что я смотрю, тут же отводит взгляд, и ее улыбка исчезает.

– Что с ней не так? – шепотом спрашиваю я у Аоки, покосившись на Майну. – Или я не заслуживаю ее внимания только потому, что я из Сяньцзо?

Аоки опускает глаза.

– Может быть. Но ты же сама слышала, что говорят о Ханно. – Встретив мой непонимающий взгляд, она поспешно объясняет: – Я о том, что большинство Бумажных кланов ненавидит Ханно за их близость с Королем. Наверное, она думает, что мы ее ненавидим.

Я не сразу понимаю Аоки, но потом до меня наконец до-

ходит. Получается, Майна может так вести себя не потому, что она всех ненавидит, а потому что подозревает *нас* в ненависти к ней!

* * *

После обеда госпожа Эйра ведет нас в свой личный маленький сад во внутреннем дворе. Ее сад очень красив. Деревья и кусты расположены в строгом порядке, желтые цветы сияют среди зеленых ветвей, как маленькие топазы. На ветвях деревьев висят птичьи клетки, и в них щебечут птицы – их голоса почти заглушают журчание ручейка, стекающего в пруд. На маленьком острове в центре пруда возвышается крошечная беседка-пагода. Что-то во всем этом напоминает мне о нашем садике в Сяньцзо – может, высокие живые изгороди, которые некогда как следует постричь, а может, птичье пение и тепло солнечного света на лице – и меня накрывает острой тоской по дому.

Тянь.

Бао.

Папа.

Глаза щиплет, и я поспешно отхожу от девушек, по узкой каменной дорожке уходя в дальнюю часть садика – мне срочно нужно побыть в одиночестве. Я присаживаюсь на длинную каменную скамью под высокой магнолией, бело-розовые цветы которой создают надо мной мягкую прозрачную

крышу. Послеполуденный воздух кажется густым, он наполнен ароматами цветов и теплого дерева, в нем звенят мелодичные девичьи голоса. Две девушки появляются из-за угла – это Ченна и Аоки, я узнаю их по голосам и прислушиваюсь к разговору.

– Значит, ты тоже о них слышала? – спрашивает Ченна.

– Я думала, что они обитают на севере. Ну, понимаешь, это же самое обычное место для повстанцев. Как всегда – Ноэй, Сяныцзо, еще Шому...

– Все периферийные провинции, короче говоря.

– Но ведь наш Король-Демон сам родом из Цзяны...

– Тем больше причин жителям Цзяны его ненавидеть.

– А ты знаешь кого-нибудь, кто... – Аоки умолкает, не договорив, и Ченна отвечает не сразу:

– Нет, конечно, люди Короля никогда не нападают на столицы. Но по дороге во дворец, когда меня сюда везли, я видела у северной границы один город... ну, бывший город. Там почти ничего не осталось, пепелище.

– Я тоже видела такие места.

– Думаешь, это как-то связано с... Порчей?

– Может быть...

Они проходят мимо, не заметив меня, но мои мысли уплывают вслед за ними. Я понятия не имею, что такое эта Порча, но ясно же, что они говорят о набегах солдат-демонов – вроде того, что много лет назад постиг нашу деревню. А выжженную дотла деревню я тоже видела по пути сюда. Зна-

чит, такое происходит по всей Ихаре. Генерал Ю говорил, помнится, что та деревня в Сяньцзо привечала повстанцев. Наверное, другие селения пострадали по той же причине? И что он имел в виду, когда сказал госпоже Эйре про «тяжелые времена, которые нас всех ожидают»? Он хотел сказать, что повстанцы действуют все смелее – или что эта самая Порча, чем бы она ни была, набирает силу?

– Ну и что ты об этом думаешь, дорогая?

Голос госпожи Эйры выводит меня из забытья, и я поспешно встаю со скамьи, чтобы поклониться. Госпожа жестом указывает мне, что это не обязательно, и смеется.

– О чем?.. О... о набегах демонов? – спрашиваю я, садясь рядом с ней – и запоздало осознаю, что она не могла слышать разговора Аоки и Ченны и не знает, о чем я думаю.

– Нет, что ты, – улыбается она. – Я спрашиваю всего лишь о моем саде. Он тебе нравится?

– Он прекрасен, – искренне отвечаю я.

– Я очень рада, что мой сад тебе по душе. Порой, в летнюю жару, я предпочитаю ночевать в нем – там, в пагоде.

– Он напоминает вам о вашей родине? – догадываюсь я. – О доме, где вы жили до того, как оказались во дворце?

Она кивает.

– Да, именно так. У нас была похожая пагода. Мы с двоюродными братьями и сестрами очень любили сидеть там своей компанией, болтать обо всем на свете, делиться слухами и шутить – после того, как до ознобакупаемся в реке. Мы

всегда подолгу купались после того, как пачкались красками для кимоно в нашей красильне. – Она раскрывает свои идеально чистые ладони и смотрит на них долгим взглядом. – Мне до сих пор порой снится, что я не могу отмыться от краски дочиста. Когда я просыпаюсь и вижу чистейшую кожу своих рук, я... порой хочу заплакать. – Она тихо смеется и качает головой. – Ностальгия подобна болезни.

– Вы скучаете? – быстро спрашиваю я. – В смысле... до сих пор скучаете по дому?

Пара минут молчания. Потом она отвечает:

– Леи, теперь мой дом – королевский дворец. И тебе нужно начать воспринимать его так. И будет намного легче.

Я отвожу глаза.

– Нет. Мой дом в Сяньцзо. Дом моих родителей. Я его люблю. И так будет всегда.

Даже после того, как маму забрали, мы с папой все равно продолжали ухаживать за домом. И Тянь нам помогала. Дом оставался домом. Мы создали новую семью, пусть уже не прежнюю, но все равно настоящую. Наш дом оставался живым. Как я могу от него отречься?

Я вспоминаю обет, который дала себе самой по пути во дворец. Нет, я никогда не отрекусь от дома, от надежды туда вернуться. И вернусь – чего бы мне это ни стоило.

– Госпожа Эйра, – восклицаю я, пораженная новой идеей. – Скажите, а я могу написать им письмо? Моему отцу и Тянь? Просто чтобы сообщить им, что со мной все в по-

рядке. Ничего лишнего. Обещаю.

Сначала мне кажется, что она ответит отказом. Но потом она улыбается.

– Конечно, Леи. Ты можешь написать им. Это прекрасная идея. Я прослежу, чтобы тебе дали бумагу и тушь.

Я отвечаю на ее улыбку, стараясь сохранить остатки достоинства вместо того, чтобы заключить ее в пылкие объятия. Я представляю, как папа и Тянь получают мое письмо, как будут читать его вместе... Даже на другом краю королевства они смогут узнать наверняка, что я жива и здорова, прикасаться к бумаге, к которой прикасалась я, ощутить мое присутствие в каждой фразе в этом листе.

– Главное – обязательно приноси мне свои письма, чтобы я сама их отправила, – говорит госпожа Эйра. – Я обеспечу тебе самого лучшего посланника, который непременно их доставит по адресу.

Я поспешно киваю.

– Конечно, госпожа. Благодарю вас. Вы даже не представляете, как много это для меня значит.

Она улыбается уголками губ. Но прежде, чем она отворачивается, я замечаю тень в ее прекрасных глазах, легкое облако скорби.

Глава девятая

Когда наутро я просыпаюсь, Бумажный Дом гудит, как улей. Пронизанный лучами солнца воздух полон звуков: топот ног служанок в коридорах, распоряжения, которые передаются из комнаты в комнату. Воздух пронизан возбуждением и радостью, как электричеством. Это напоминает мне деревенские новогодние праздники, когда улицы увешаны яркими флажками, всюду горят огоньки и праздничные костры, вспыхивают фейерверки, все, как могут, почитают духов и радуются жизни. Сегодня во всех городах королевства состоятся празднества в нашу честь. Но в нашей деревне мы никогда не отмечали Ночь Снятия Покровов – церемонию официального представления Бумажных Девушек королевскому двору.

Может, в этом году мои односельчане сделают ради меня исключение?

Лилл в таком восторге от предстоящей церемонии, что не умолкает ни на секунду.

– С тех пор, как меня приняли в служанки, у меня еще ни разу не было шанса навестить родителей, – без умолку трещит она, пока я принимаю ванну. Ее лохматые оленьи ушки трепещут от радости. – Родителям и представить трудно, что я теперь настоящая горничная Бумажной Девушки! Ох, госпожа, как бы я хотела быть рядом с вами на церемонии!

Вы наверняка их увидите, только не узнаете. Они будут мной гордиться! Как представляю, что у них будут за лица, когда я им расскажу...

Трудно не поддаться всеобщему возбуждению, хотя, конечно, я предвкушаю не встречу с Королем, а процессию перед церемонией. Это мой первый шанс увидеть остальную дворцовую территорию. Может, даже получится вывести что-то о маме!

Согласно традиции, для церемонии каждую из нас одевают в серебряное платье. В нашей культуре серебро имеет много символических значений: сила, власть, богатство. Но также – из-за своей близости к белому, цвету траура – серебро порой может считаться приносящим беду. Все просто: покоришься Королю – и будешь вознаграждена, посмеешь перечить – и будешь страдать.

Так как Лилл только вчера назначили горничной, за ней присматривает одна из старших горничных – Чихо, девушка-ящерица из Стальной касты. Лицо и тело у нее человеческие, только руки покрыты плотной серой чешуей. Чихо носит из комнаты в комнату, поучая Лилл, хотя у нее и своих забот хватает, она тоже одевает свою госпожу. Наконец Лилл предлагает ей одевать нас одновременно, чтобы не приходилось столько бегать. Я не помню, чья именно горничная Чихо, так что когда она появляется на пороге моей спальни в сопровождении Майны, я обмираю. Меня почему-то охватывает страшное смущение.

Хотя Майна еще не причесана, не вполне накрашена и одета в банный халат, она выглядит потрясающе. Горничная наложила ей на скулы темные румяна, подчеркивающие блеск глаз и красоту губ. Ее длинные волосы перекинuty через плечо и волной сбегают на грудь. Переступая порог, она приподнимает полу длинного халата, я невольно слежу за этим движением – и беззвучно ахаю от изумления.

Стопы Майны выглядят так же, как мои. Ее пятки загрубели, как будто ей много приходилось ходить босиком. Это ноги девушки, привыкшей к работе, не ожидаешь увидеть такие у изнеженной дочери главы клана Ханно.

Поймав мой взгляд, она поспешно отпускает полу халата, и ткань снова спадает до земли.

– Ну вот, – обращается Чихо к Лилл, – давайте продолжим.

Майна опускается на колени рядом со мной, избегая смотреть мне в лицо. Я испытываю детское желание закричать на нее, любым способом привлечь ее внимание. Я вспоминаю слова Аоки о том, что Майна, возможно, думает, что мы все ее ненавидим. В таком случае она выбрала не самый действенный способ вызвать нашу приязнь, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.